

Этика перераспределения

Бертран де Жувенель

ISBN 5-900520-02-1

Русский перевод © Институт национальной модели экономики, 1995

Предисловие Джона Грея © Liberty Fund, Inc., 1990

Б. де Жувенель "Этика перераспределения" © Cambridge University Press

Впервые опубликовано в 1952 г.

Публикуется с разрешения Liberty Fund, Inc. и Cambridge University Press

Перевод: Т. Федоровская, Т. Михайлович

Общая редакция: О. Шишкова

Редактор: М.Леонтьева

Дизайн: И. Зуев

Художник: А. Святкина

Содержание

[Предисловие к первому изданию](#)

[От автора](#)

[Введение](#)

[Лекция I / Социалистический идеал](#)

- *Процесс перераспределения*
- *Предмет исследования: Этический аспект*
- *Перераспределение земли*
- *Перераспределение земли и перераспределение доходов*
- *Уравнивание земельной собственности и уравнивание капиталов: сходства и различия*
- *Социализм как Город Братской Любви*
- *Как преодолеть антагонизм между социалистическими целями и социалистическими средствами*
- *Внутреннее противоречие социализма*
- *Перераспределение и позор бедности*
- *Отождествление понятий: помощь и подъем жизненного уровня рабочего класса*
- *Неприлично высокий и неприлично низкий уровни жизни*
- *Нижний уровень и потолок: интеллектуальная и финансовая гармония*

- *Каким должен быть потолок доходов?*
- *Удовлетворенность*
- *Теория убывающей полезности*
- *Некоторые другие аспекты и оценки*
- *Дискриминация меньшинства*
- *Влияние перераспределения на общество*
- *Чем выше уровень перераспределения, тем больше власти у государства*
- *Ценности и удовлетворенность*
- *Является ли субъективная удовлетворенность единственным критерием?*
- *Перераспределение -- конечная цель утилитарного индивидуализма*

[Лекция II / Расходы государства](#)

- *Два взгляда на доход*
- *Налогообложение не всегда вызывает утрату стимула к труду*
- *Другой взгляд на доход*
- *Потребление доходов*
- *Конфликт между субъективным эгалитаризмом и объективным социализмом*
- *Функциональные расходы юридических лиц*
- *Отношение к юридическим лицам и отношение к семье*
- *Расходы на потребление как форма национальных инвестиций*
- *Целевые расходы -- привилегия государства*
- *Высокая степень налогообложения на всех уровнях*
- *Маскировка личных затрат*
- *Разрушение сферы бесплатных услуг*
- *Коммерциализация ценностей*
- *Перераспределение власти: от индивидов к государству*
- *Перераспределение как мотив для оправдания роста общественных расходов*
- *Перераспределение присуще централизации?*

- *Основной мотив -- зависть?*

[Приложение / Возможности чистого перераспределения](#)

- *Перераспределение доходов: до или после удержания налогов?*
- *Примерные расчеты*
- *Важность определения личного дохода*
- *Фактическая направленность перераспределения*

[Бертран Де Жувенель](#)

Предисловие

Баутвудские Чтения в Корпус Кристи Колледж были организованы Мэри Баутвуд в память о ее муже, Артуре Баутвуде, служащего Комиссии по Благотворительности. Более широко он известен благодаря своим трудам по философии религии и политике, которые он публиковал под псевдонимом Хеклит Эгертон.

Осенью 1949 года Колледжу удалось пригласить для участия в Чтениях барона де Жувенеля. Тогда же Колледж поддержал инициативу Университетского Издательства о публикации этих лекций. Я рад предоставленной мне возможности выразить благодарность лектору, Издательству Университета, а также миссис Патрик Бэри, подготовившей лекции к публикации.

Уилл Спенс
Корпус Кристи Колледж
2 октября 1950г.

От автора

Выступить с лекциями в Кембридже, в знаменитом Корпус Кристи Колледж, было для меня большой честью, как и то, что эти лекции будут опубликованы Издательством Кембриджского Университета с предисловием сэра Уилла Спенса. Надеюсь, что предлагаемые лекции будут достойны столь замечательных организаторов.

Я бесконечно благодарен за советы и дружескую помощь, оказанную мне при подготовке книги к изданию. Право же, моя скромная работа не заслужила такого внимания.

Мистер и миссис Патрик Бэри взяли на себя труд исправить неточности формы, но, безусловно, они были не в силах устранить шероховатости моего стиля, неизбежные при использовании иностранного языка. Д-р Рональд Ф. Хендерсон, проф. Илай Девонс (Манчестер) и проф. Милтон Фридман (Чикаго) прочли корректуру этой книги с целью исправления возможных экономических ошибок, а проф. Уиллмор Кендал (Иель) предоставил свои замечания с точки зрения политолога.

С моей стороны было бы неблагодарностью за их щедрую помощь возлагать на них какую бы то ни было ответственность за мои взгляды или возможные ошибки.

Я надеюсь, читатель поймет, что это небольшое эссе ни в коей мере не претендует на то, чтобы внести вклад в грандиозную дискуссию о путях перераспределения доходов; это скорее попытка привлечь внимание к некоторым важным моментам, которым в этой дискуссии обычно не уделяется достаточно внимания. Ведь вклад в развитие цивилизации невозможно правильно оценить только через размер национального дохода.

Бертран де Жувенель
9 мая 1951 г.

Введение

Работа Бертрана де Жувенеля в области этики перераспределения, прежде всего, отличается тем, что основное внимание в ней уделяется нравственной стороне перераспределения, а не его влиянию на трудовую мотивацию. Иначе говоря, критика де Жувенеля представляет собой вызов основным ценностям теории перераспределения. Она совершенно не связана с инструментальной или утилитарной оценкой последствий политики перераспределения. Де Жувенеля интересует влияние перераспределения на личную свободу и культуру, а не его воздействие на производительность.

Это исследование важно еще по одной причине: в нем тщательно проводятся различия между теорией перераспределения и другими, внешне сходными, доктринами. Так, например, автор ясно показывает, чем эта теория отличается от аграрного эгалитаризма, который ставит своей целью уравнивание ресурса -- земли, -- но не стремится к контролю за распределением ее продукта. Очень важно подчеркнуть, что теория перераспределения не тождественна социализму. Теория перераспределения принесла много вреда современной цивилизации, но она не разрушила ее. Социализм же характеризуется подавлением частной собственности в условиях новой общинной нравственной солидарности и несовместим с современным обществом. Если он и может существовать, то только в монастырях, где все материальное с презрением отвергается, или в небольших, простых или даже примитивных сообществах -- этот аспект хорошо понял Руссо, но не смог понять Маркс.

Де Жувенель проводит еще одну фундаментальную границу внутри самой теории перераспределения. Современная теория перераспределения включает в себя два совершенно различных элемента: веру в то, что правительство должно играть главную роль в борьбе с бедностью, и в то, что экономическое неравенство есть несправедливость и зло. Вера в эти два положения привела ко все возрастающей убежденности в том, что правительство должно нести ответственность за повышение жизненного уровня народа. Когда к требованию, чтобы правительство обеспечивало определенный минимальный жизненный уровень, ниже которого никто не должен опускаться, добавляется предложение установить верхний уровень, выше которого никто не должен подниматься, делается еще один шаг в направлении эгалитарного перераспределения.

Де Жувенель показывает, что эти предложения поборников равноправия опираются на формально правильные алгебраические выкладки. Однако эти рассуждения основаны на идее об убывающей предельной полезности дохода, идею, которую автор язвительно критикует, показывая непреодолимые препятствия к получению надежных результатов при сравнении степеней личной удовлетворенности людей. Де Жувенель мог бы также отметить, что даже если было бы возможно проводить сравнения полезности для разных людей, осуществление перераспределения в соответствии с маргиналистскими

принципами привело бы к нравственно порочным результатам. Это могло бы вызвать перераспределение ресурсов от самых убогих (скажем, от депрессивного паралитика) к тем людям -- главным образом находящимся где-то в середине шкалы доходов и со средними природными данными, -- которые могут получить наибольшее удовлетворение от этих ресурсов. Надо сказать, что сторонники равенства совсем не желают такого результата, но он с неумолимостью следует из маргиналистской аргументации защитников перераспределения.

Критика этического аспекта перераспределения, осуществленная де Жувенелем, характеризуется силой и многоаспектностью. Он делает важное эмпирическое замечание, когда говорит, что ресурсы, необходимые для обеспечения прожиточного минимума, нельзя получить только, или хотя бы в основном, за счет налогообложения богатых. Эти ресурсы должны быть изъяты у представителей средних классов, которые одновременно являются и получателями в схемах перераспределения доходов. Это очень важный момент в работах де Жувенеля. Его положение о том, что результат политики перераспределения доходов чрезвычайно неоднозначен и порой производит обратный эффект, аналогичный эффекту регрессивного налогообложения, уже получило свое историческое подтверждение. Он отмечает далее, что политика перераспределения всегда связана с дискриминацией меньшинств, поскольку она неминуемо должна быть направлена на удовлетворение предпочтений и интересов большинства -- это отмечал также и Хайек.

Политика перераспределения критикуется де Жувенелем также и за разрушение чувства личной ответственности. Это происходит путем передачи индивидами государству полномочий по принятию жизненно важных решений. Удовлетворяя жизненно необходимые потребности индивида, государство оставляет ему возможность принимать решения только относительно расходования его карманных денег. Кроме того, политика перераспределения ставит семью в более бесправное положение по сравнению с юридическими лицами, например, корпорациями. Это происходит в основном путем предоставления фирмам налоговых преимуществ, в которых отказано семье. Высокая ставка налогообложения, неизбежная при государственной политике перераспределения, также имеет нежелательные последствия: сокращается сфера бесплатных услуг, где люди доброжелательно общаются друг с другом, не ожидая платы, и таким образом разрушается культура дружелюбного и вежливого общения -- основа либерального общества.

Однако самым важным результатом политики перераспределения для де Жувенеля является тот импульс, который она придает губительному процессу централизации. Если государство конфискует высокие доходы и вводит карательные ставки налога на сбережения и инвестиции, оно само должно взять на себя эти функции, т. к. индивиды уже не в состоянии их осуществлять. Если в связи с конфискацией высоких доходов важные сферы общественной и культурной деятельности, как, например, искусство, не могут больше поддерживаться частным образом, то опять-таки государство должно взять на себя ответственность за развитие этих областей, принимая программы их субсидирования. Таким образом, государство неизбежно усиливает контроль над этими сферами. Поэтому последствием политики перераспределения является сокращение частной инициативы во многих сферах общественной жизни, уничтожение слоя независимых и богатых людей, ослабление гражданского общества.

Де Жувенель далее предполагает, что лежащий в основе этого каузальный процесс может идти в противоположном направлении: политика перераспределения может быть лишь эпизодом в процессе централизации, имеющем собственную энергию развития. В этом де Жувенель предвосхищает результаты исследований Вирджинской Школы Общественного

Выбора, которые получили наиболее глубокое теоретическое обоснование в работе Джеймса Бьюкенена [James M. Buchanan, *The of Liberty: Between Anarchy and Leviathan* (Chicago: University of Chicago Press, 1975)], где показано, что истоки экспансионистского государства лежат в экономических интересах правительственной бюрократии. Как это провидчески отмечает де Жувенель, вновь предвосхищая результаты более поздних теоретиков "нового класса", "возникает вопрос, какое из этих двух тесно связанных явлений является доминирующим -- перераспределение или централизация. Мы можем спросить себя, не является ли предмет нашего рассмотрения в большей мере политическим, чем социальным явлением. Это политическое явление состоит в уничтожении класса, обладающего "независимыми средствами" и в сосредоточении средств в руках управленцев. Это приводит к переходу власти от индивидуумов к чиновникам, которые стремятся создать новый правящий класс взамен разрушаемого. И существует слабая, но вполне ощутимая тенденция появления у этого нового класса иммунитета к некоторым налоговым мерам, направленным против уходящего класса".

Последующие исследования и практика подтвердили предвидения де Жувенеля. Эмпирическое исследование показывает, что схемы перераспределения доходов в большинстве стран западной демократии хаотичны и неконтролируемы. Поскольку современное государство благосостояния является порождением идеологии перераспределения, его нельзя оправдать ссылками на какие-либо внятные принципы и цели. Государству не удалось значительно облегчить страдания бедности, но вместо этого оно существенно институционализировало ее. Таково заключение некоторых исследователей. [Charles Murray, *Losing Ground: American Social Policy 1950--1980* (New York, Basic Books, 1985).] Политика социальной помощи, осуществляемая уже в течение жизни целого поколения, привела к тому, что люди, на которых она была направлена, лишились побудительных мотивов и понесли моральный урон, и в результате их положение стало хуже, чем было раньше. Окончательный эффект воздействия всего комплекса мер по перераспределению не имеет явно выраженной формы (за исключением того, что, как отметил Нозик [Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* (New York: Basic Books, 1974)], если какая-то социальная группа и выигрывает, то это скорее составляющее средний класс большинство, а не бедные). А предположение Хайека в работе "Конституция свободы" о том, что перераспределяющее государство непременно является экспансионистским, о чем ранее предупреждал и де Жувенель, все полнее подтверждается фактами.

Философские исследования последних лет подтверждают правильность анализа, сделанного де Жувенелем. Работа Роберта Нозика "Анархия, государство и утопия" содержит критику идеи общественной или распределительной справедливости, которая во многом перекликается с критикой этики перераспределения де Жувенеля. Критика Нозика также имеет несколько аспектов или уровней. Во-первых, он показывает, что попытка навязать утвержденную модель общественного распределения товаров требует постоянного вмешательства в личную свободу, поскольку подарки и бесплатный обмен регулярно и естественно разрушают такую модель. Хорошо известно высказывание Нозика о том, что попытки навязать обществу модель распределения приводят к возникновению социалистического государства, которое запрещает капиталистические отношения между согласными на них совершеннолетними гражданами.

Политика перераспределения воплощает в себе абстрактный или ложный индивидуализм, в котором отвергаются или подавляются промежуточные институты, являющиеся питательной средой для развития индивидуальности. Особенно враждебна эта политика по отношению к институту, который является краеугольным камнем гражданского

общества -- семье. Нозик вслед за де Жувенелем отмечает, что институт семьи является бесправным при любом перераспределяющем режиме: "В таком обществе семья является раздражающим фактором, так как внутри семьи происходит перемещение средств, нарушающее установленное распределение" (Ibid., p. 167).

В последних работах Хайека наиболее явно видны параллели с исследованием де Жувенеля. Во втором томе своей трилогии "Право, законодательство и свобода", названном "Мираж социальной справедливости" [F. A. Hayek, Law, Legislation and Liberty, Volume Two: The Mirage of Social Justice (Chicago: University of Chicago Press, 1976)], Хайек уничтожающе критикует современные концепции распределения, усиливая и развивая в новых направлениях основное положение исследования де Жувенеля. Главный и, возможно, наиболее оригинальный тезис Хайека состоит в том, что ни одно правительство или центральная власть не могут быть достаточно компетентными для того, чтобы осознать и реализовать определенную модель распределения. Это верно независимо от того, основывается ли распределение на принципах удовлетворения основных потребностей, соответствия труда и вознаграждения, уравнивания ресурсов, благосостояния или чего бы то ни было еще. Какими бы ни были принципы перераспределения, сведения, которые необходимы для их осуществления, за некоторыми исключениями, настолько рассеяны в обществе и так часто существуют в неявной форме, что правительство обычно бывает не в состоянии собрать их в пригодном для использования виде. Это рассредоточение информации в обществе возводит непреодолимый эпистемологический барьер на пути осуществления практически всех современных концепций распределения. Он не дает осуществиться даже самой тонкой из них -- концепции Джона Роулза [John Rawls, A Theory of Justice (Cambridge: Belnap Press of the Harvard University Press, 1971)] -- из-за того, что правительство никогда не будет обладать достаточной информацией о том, выполняется ли принцип различий, требующий ограничения неравенства на уровне, необходимом для максимизации доходов беднейших слоев.

Есть еще одна линия аргументации в "Мираже социальной справедливости", которая усиливает доводы де Жувенеля против перераспределения. Это утверждение о том, что даже если правительство сможет получить информацию, необходимую для осуществления определенного распределения, в обществе нет согласия относительно того, каким принципам должно отдаваться предпочтение в случае их конфликта. Если, например, принцип удовлетворения основных жизненных потребностей приходит в противоречие с вознаграждением по заслугам, чему следует отдать приоритет? Поскольку в нашем обществе нет всеохватывающего морального кодекса, на основе которого можно было бы сравнивать такого рода ценности, они для нас несоизмеримы, для них не существует общепринятой процедуры разумного арбитража. По этой причине любое распределение ресурсов в соответствии с иерархией этих ценностей будет казаться и действительно являться беспринципным, непредсказуемым и произвольным. Из-за неизбежных конфликтов между этими ценностями перераспределение не может не порождать бюрократию с большой дискреционной властью. Но большой объем дискреционной власти, которым обладает аппарат перераспределения, плохо согласуется с властью закона, являющейся одной

И, наконец, есть еще один момент в аргументации Хайека, который связывает ее с точкой зрения Дж. Бьюкенена на работу де Жувенеля. Это предположение о том, что при отсутствии какого-либо глобального оправдания политики перераспределения, лучше всего она поддается теоретическому обоснованию с точки зрения тех, кто от нее выигрывает. Перераспределение в этом случае оказывается системой идей, направленных

на узаконивание интересов экспансионистских бюрократий и в целом на изоляцию благополучных стабильных групп, объединенных общими интересами, от отрицательных воздействий экономических изменений. В конце концов, перераспределение проявляется как консервативная идеология интервенционистского государства и его клиентуры.

Хотя многие положения "Этики перераспределения" удивительно современны, сам де Жувенель никогда не был до конца доволен этой работой. В письме от 18 сентября 1981 года он писал: "Что касается "Этики перераспределения", то я несколько раз отказывался ее переиздавать. Я занимался этим предметом много лет назад, а теперь я должен говорить не только о том, что я думал тогда, но о том, что я с тех пор понял..." Он так никогда и не возвратился к этой работе и умер 1 марта 1987 года в возрасте 83 лет.

Эта небольшая работа остается чрезвычайно плодотворной и располагающей к размышлениям и дальнейшим исследованиям, как можно видеть по ее большому родству с более поздними работами Бьюкенена, Хайека, Нозика, Роулза и других. Она является важным вкладом в обсуждение проблем государства перераспределения и его воздействия на свободу. Ее повторное издание следует приветствовать.

Джон Грей
Колледж Иисуса
Оксфорд

ЭТИКА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Лекция 1

Социалистический идеал

Темой моих рассуждений будет главная проблема наших дней -- перераспределение доходов.

Процесс перераспределения

Представления о влиянии политических решений на жизнь общества коренным образом изменились в течение жизни последнего поколения. Сегодня считается, что одна из наиболее естественных и важных функций государства состоит в перемещении доходов от богатых членов общества к бедным. "Постепенно вырос чрезвычайно сложный механизм" [J. E. Meade, *Planning and the Price Mechanism* (London, 1948), p.42] выплаты пособий, оказания бесплатных услуг, и продажи товаров и услуг ниже их стоимости. Этот механизм более обширен, чем огромный механизм государственных финансов, например, в области контроля ренты. Его целью обычно считается перераспределение доходов и, в особенности доходов богатых. Эти доходы истощаются прогрессивным налогообложением и, кроме того, уменьшаются из-за государственного контроля за размером ренты и дивидендов и реквизиции ценностей.

Этот процесс начался в Англии ровно 40 лет назад, когда был принят бюджет Ллойда Джорджа на 1909--1910 год. Тогда был введен прогрессивный налог, и таким образом была оставлена идея о том, что равенство при налогообложении подразумевает пропорциональность. Этот же министр финансов впервые ввел субсидии работающим и пособия по болезни. Надо сказать, что "политика, направленная на более равномерное распределение доходов через систему государственных финансов" [U. K. Hicks, *Public Finance* (London, 1947), p. 146] и других средств, которая теперь воспринимается как нечто

вполне естественное, возникла

постепенно. Вначале она не замышлялась как нечто далеко идущее. Обстоятельства, прежде всего две мировые войны, рост социального напряжения, подкрепленный эмоциями, постепенно подвели общество к осознанию этической цели. В противоположность прежним, слишком "западным" идеалам, Запад быстро принимает принцип уравнивания доходов силами государства.

Предмет исследования: этический аспект

Сегодня ведется много споров вокруг того, что называют "Эффектом утраты стимула к труду при чрезмерном перераспределении". Как мы знаем из практики, обычно, хотя и далеко не всегда, работников стимулируют материальным вознаграждением, которое вырастает пропорционально их трудовым усилиям или даже прогрессивно по отношению к ним. Например, каждый дополнительный час работы может оплачиваться в полтора раза больше предыдущего. Ситуация, при которой каждое последующее трудовое усилие вознаграждается ниже предыдущего и одновременно, благодаря системе пособий, сокращается необходимое для поддержания жизни рабочее время, может замедлить темпы производства и экономического развития. Поэтому политика перераспределения подвергается суровой критике. Однако такая критика ведется с позиций практической целесообразности. Сегодняшние критики перераспределения не объявляют его нежелательным, его лишь называют неразумным, когда оно выходит за определенные пределы. Защитники теории перераспределения также не отрицают, что оно может стать опасным для экономического развития. Эта шумная полемика, которая сейчас чрезвычайно раздута, по существу является локальным конфликтом, не затрагивающим фундаментальных вопросов.

Я предлагаю оставить в стороне это поле боя. Мы примем предпосылку, что перераспределение, как бы далеко оно ни зашло, не приводит к утрате трудового стимула и не снижает объемы и рост производства. Я делаю это допущение для того, чтобы акцентировать внимание на других аспектах перераспределения. Кому-то может показаться, что это допущение приводит к бессмысленности дальнейшей дискуссии. Мне могут возразить, что, если бы перераспределение не влияло на производство, надо было бы развить эту политику до логического конца -- полного равенства доходов. Это было бы хорошо и справедливо. Но так ли это? И если это так, то почему и до какого предела? Эти вопросы послужат отправной точкой моих рассуждений.

Рассматривая перераспределение чисто с этической точки зрения, мы должны, прежде всего, четко различать социальный идеал равенства доходов и другие, эмоционально близкие, но логически с ним не связанные идеалы. Существует распространенное, но мало чем подкрепленное мнение, что различные идеалы общественного переустройства порождают друг друга. Это не так: перераспределение не является прямым следствием социализма или аграрного эгалитаризма. Мы существенно проясним вопрос, если остановимся на различиях между этими концепциями.

Перераспределение земли

Перераспределение земли было основным лозунгом общественной справедливости на протяжении тысячелетий. Мне могут заметить, что это верно только по отношению к далекому прошлому, когда сельское хозяйство было основной экономической деятельностью. Однако этот вопрос не утратил своей актуальности вплоть до настоящего времени. Разве первая мировая война не вызвала крупномасштабное перераспределение

земли в Восточной Европе? Разве призыв к перераспределению земли не был основным лозунгом Ленина в России, хотя и использованным в целях совершенно другой революции? Не стоит забывать и то, что перераспределение земли в Восточной Пруссии было главным требованием конца Веймарской республики и что Брюнинг потерпел поражение во многом по той же причине, что и старший Гракх. Поэтому не стоит думать, что эта идея является археологической древностью. Она и сегодня актуальна, она волнует современную Италию (1949), и, как мы увидим в дальнейшем, причиной ее неуязвимости является то, что она опирается на основное нравственное чувство общественной морали.

Смысл идеи состоит в том, что все люди должны быть поровну наделены природными ресурсами для производства продукта (т.е. для получения дохода) пропорционально затраченному труду.

Об этом сказано в Библии. Первоначально земля должна быть поделена на участки (Числа 33:54), и всякое возникающее в дальнейшем неравенство должно устраняться в юбилейный год, когда каждый продавший землю свою восстанавливается в правах владения ею (Левит 25:28). Такое возвращение к первоначальному положению каждые 49 лет препятствует возникновению латифундий и восстанавливает равенство земельных наделов между семьями. Право неотчуждаемого наследования земли членами семьи было основополагающим в древнем индоевропейском обществе. Наряду с этим существовала практика частого передела земли. Таким образом, требования аграрных реформаторов, похоже, основаны на вековых традициях и обращены к древнему родовому чувству справедливости.

Перераспределение земли и перераспределение доходов

Перераспределение земли не тождественно перераспределению доходов. Сторонники аграрных реформ выступают не за уравнивание конечного продукта, а за равное обладание природными ресурсами, которые и обеспечат продуктом тех, кто ими пользуется. Это считается справедливым на том основании, что при исходном земельном равенстве неравенство в вознаграждении отразит разные трудовые усилия. Другими словами, здесь сведется к нулю влияние изначального неравенства капитала на получение неравных результатов.

Сегодня идея об устранении влияния капитала на размер дохода не является архаичной. Она во все времена обсуждалась общественной мыслью. Когда Маркс сказал, что стоимость создается только трудом, он фактически принимал желаемое за действительное, пытаясь обосновать такое положение вещей, которое казалось ему естественно правильным. Совершенно очевидно, что основополагающей идеей классических экономистов была идея пропорционального вознаграждения на труд. Они стремились доказать, что такова природа системы совершенной конкуренции, а первоначальное распределение собственности всегда являлось для них раздражающим фактором.

Социалисты часто говорят, что сторонники аграрных реформ являются их предшественниками. Это неверно, но у тех и у других действительно есть одно общее стремление:

они хотят устранить влияние неравного распределения собственности.

Это, однако, не подразумевает какого-либо равенства доходов, даже при условии равного первоначального капитала. Доходы в любом случае будут подчиняться хорошо известным

статистическим законам распределения. Если построить график, где на оси абсцисс -- величины доходов, а на оси ординат -- число экономических субъектов, получателей соответствующих доходов, мы получим хорошо известную колоколообразную кривую нормального распределения Гаусса. Однако, как отмечает проф. Пигу [A. C. Pigou, *The Economics of Welfare* (London, 1920), pp. 650--51 (1948 ed.)], эта кривая не будет ассиметричной, как это произошло бы в случае неравного изначального распределения собственности.

Итак, принцип аграрных реформаторов -- это справедливое вознаграждение, а не равенство доходов.

Уравнивание земельной собственности и уравнивание капиталов: сходства и различия

Мы пришли к тому, что аграрный принцип, сформулированный в современных терминах, звучит как требование уравнивания объемов капитала. Однако это является обобщением, способным исказить истинный смысл исторических требований реформаторов. Они мыслили в терминах перераспределения земли и обычно были осторожны с включением в число объектов перераспределения таких элементов капитала (как мы бы назвали их сегодня), как инструменты или оборудование. Они были склонны исключать орудия труда, хотя, казалось бы, полное перераспределение ресурсов должно обеспечить строгое соответствие трудовых затрат и вознаграждения. Возможно, это было вызвано тем, что они усматривали существенную разницу между "природными ресурсами" и "капиталом". Земля (и природные ресурсы в целом) воспринималась как данная Богом всем людям, не для того, чтобы ею владели лишь избранные, тогда как орудия труда являются делом рук человеческих и могут на законном основании переходить от одного к другому. Надо сказать, что во многих примитивных обществах земля могла передаваться только вместе с каким-либо очень личным предметом, как будто таким образом ей передавались свойства личной собственности, хотя по своей природе она таковой не считалась. [Так, у древних веддахов владение земельной собственностью было представлено кремнем и огнивом, зубом или камнем, которые символизировали определенную личную собственность. Подобные отношения мы находим и в других примитивных обществах.]

Итак, можно сказать, что аграрный эгалитаризм воплощает два принципа: 1) природные ресурсы не должны монополизироваться и 2) вознаграждение является справедливым только в том случае, если капитал изначально распределен поровну. В современном мире эти принципы не утратили своего значения. Первый совсем недавно был извлечен на свет Муссолини, когда он заявил о праве более бедных наций на равную долю мирового запаса природных ресурсов. Эта идея была подхвачена пропагандой и получила широкую поддержку, что говорит о том, что она глубоко укоренена в сознании масс. Более того, представление, что путь к социальной справедливости лежит через перераспределение капитала, является главной составляющей всех реформаторских схем, основанных на коллективистской программе. Они стремятся применить к современным обществам принципы аграрных реформаторов -- это то, за что выступает Честертон. Секрет практического достижения такого равенства пока не найден, но многочисленные попытки ["Демократия, владеющая собственностью"] свидетельствуют о том, что старая идея жива. Ее привлекательность, видимо, никогда не померкнет.

Социализм как Город Братской Любви

Общий смысл идей аграрных реформаторов можно выразить словами -- "справедливое вознаграждение". Социализм же ставит более высокую цель, чем достижение простой

справедливости. Он стремится установить новый порядок, основанный на братской любви. Социализм протестует не столько против несправедливости, вызванной непропорциональным распределением благ, и того, что вознаграждение не пропорционально трудовым затратам, социализм -- это эмоциональный протест/против общественных антагонизмов, против уродливых взаимоотношений людей.

Теоретически, конечно, возможно минимизировать эти антагонизмы, сократив до минимума столкновения людских интересов. Так, решение, предлагаемое аграрными реформаторами, состоит в экономической независимости каждого владельца земли на его строго ограниченном участке, равном участку соседа. Но это невозможно осуществить в современном обществе, где интересы всех его членов тесно переплетены. Разрубить этот гордиев узел -- значит вернуться к менее цивилизованному общественному строю. Но есть и другое решение -- новое мировоззрение, позволяющее радостно воспринимать эту взаимозависимость. Экономический прогресс и разделение труда приводят к тому, что люди вынуждены служить друг другу во все возрастающем масштабе, и должны делать это "в обновлении духа" [Послание к римлянам 7:6], не так, как это делал "старый" человек, скупко соизмерявший объем своих услуг обществу с размерами получаемого вознаграждения, но как "новый" человек, находящий удовлетворение в благополучии ближнего своего.

Эта концепция хорошо известна: это учение о законе и благодати апостола Павла, трансформированное Руссо. Руссо считал, что социальный прогресс усиливает антагонизмы:

он будит в человеке стремления, и, когда человек оказывается в слишком тесной близости со своими товарищами, его любовь к себе превращается в злость на окружающих, так как он обнаруживает, что те либо недостаточно ему служат, либо препятствуют достижению его целей. Руссо предлагает свое решение этой проблемы, которое, по его мнению, должно быть использовано только как профилактическое, но не как лечебное средство в борьбе с общественными недугами. [См. "Essai sur la Politique de Rousseau" в предисловии к изданию "Du Contrat Social" (Geneva, 1946).] Оно состоит в том, чтобы человек перенес любовь с самого себя на окружающий его мир. Это -- центральная идея социалистической доктрины. Именно из учения Руссо социализм черпает веру в то, что общественные антагонизмы вызываются "объективными обстоятельствами" и что устранение этих обстоятельств приведет к устранению конфликтов. И социализм считает, что частная собственность является основным "обстоятельством", порождающим эти антагонизмы. Сначала порождается основной антагонизм между имущими и неимущими, а затем начинается борьба внутри класса собственников.

Как преодолеть антагонизм между социалистическими целями и социалистическими средствами

Таким образом, социалистическое решение проблемы состоит в разрушении частной собственности как таковой. Это должно уничтожить различия в положении людей и тем самым избавить общество от напряженности. Пролетариат, приобретя дух солидарности в борьбе с частной собственностью, одержав победу, включит в свои ряды остальных членов общества, пролетаризировавшихся в ходе этой борьбы. Социальные антагонизмы будут таким образом уничтожены, отпадет необходимость в существовании государственного аппарата подавления, который был вызван к жизни антагонизмами и должен был поддерживать гражданский мир в атмосфере всеобщей борьбы. Со временем этот аппарат подавления должен будет отмереть сам по себе.

Тезис об отмирании государства -- один из фундаментальных в социалистическом учении, потому что основной целью социализма является ликвидация антагонизмов. Но этот тезис довольно основательно потрепали в политических дискуссиях. Некоторые проницательные критики социализма очень точно выбрали именно отмирание государства в качестве критерия успехов социализма, тем самым, вызывая досаду своих оппонентов. В пылу сражения упустили из виду тот факт, что государство должно отмереть как инструмент подавления и полицейских мер. И справедливости ради надо сказать, что факт расширения функций государства не доказывает неудачи социализма, а свидетельствует о сохранении и, более того, усилении его полицейских функций. Однако мы слишком хорошо знаем, что полицейские меры достигли своего максимального развития там, где произошло полное уничтожение частной собственности -- этот очевидный факт опровергает социалистическое учение.

Совершенно ясно, что ликвидация частной собственности не покончила с антагонизмами и не привела к возникновению духа солидарности, что позволило бы обществу отказаться от полицейских мер. Так же ясно и то, что существующее чувство солидарности, похоже, во многом основано на недоверии и ненависти к другому обществу или к другим частям общества. Коллективистское государство во всем видит агрессивные происки иностранных государств, иногда даже приписывая их другим коллективистским государствам. Или, если процесс социализации в стране полностью не завершен, борьба идет против зловных представителей капитала, связанных с иностранными государствами. Итак, такая солидарность не является, как это первоначально замыслилось, солидарностью любви, это скорее солидарность борьбы, что явно противоречит основному устремлению социализма: "Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир" [Послание Иакова 3:18].

И все же не от всего в социалистическом идеале стоит отказываться. Мы действительно стремимся к чему-то большему, чем просто общество добрых соседей, которые не переставляют тайком межевые знаки, возвращают владельцу отбившуюся от стада овцу и не жаждут завладеть ослом соседа. И в самом деле, не стоит называть утопическим сообщество, основанное не на экономической независимости, а на братском распределении общественного продукта, общество, вдохновляемое искренним убеждением, что все люди -- члены одной семьи.

Внутреннее противоречие социализма

Такое сообщество существует. Оно существует на протяжении веков, и мы можем наблюдать его сегодня в любой монашеской общине. Но следует заметить, что монастыри являются городами братской любви потому, что они изначально были созданы любовью к Богу. Там нет проблемы раздела материальных благ потому, что они с презрением отвергаются. Члены этого сообщества не стремятся обогатиться за счет других, но они и вообще не стремятся к обогащению. Их устремления направлены не на раздел материальных благ, которые всегда ограничены, а на Бога, который бесконечен. Короче говоря, они настолько едины не потому, что образуют социальное общество, а потому, что они -- часть сообщества мистического.

Социализм стремится воспроизвести это единство, но без той веры, которая его порождает. Он стремится воссоздать братское распределение, но без презрения к мирским благам, без отрицания их значимости. Социализм не считает, что процесс потребления является несущественным и должен быть сведен к минимуму. Напротив, ему присуще фундаментальное убеждение современного общества, что необходимо получать все

больше материальных благ в процессе покорения природы, а этот процесс, в свою очередь, считается самой благородной деятельностью человека. Социалистический идеал возникает в развитом экономическом обществе, и перенимает черты такого общества: благоговение перед предметами потребления, поощрение материальных потребностей и преклонение перед технократическим империализмом.

Этическая привлекательность социализма состоит в том, что он не прибегает к постоянному использованию таких факторов, как личный интерес, стремление к материальным ценностям и эгоизм, играющих важную роль в экономической системе, которой социализм собирается прийти на смену. Но, поскольку социализм унаследовал от этого общества погоню за все возрастающим потреблением, он превратился в неоднородную систему, разрываемую внутренним противоречием.

Если "больше товаров" -- это цель, к которой стремится общество, то почему для индивида эта цель должна быть презренной? Социализм страдает от двойственности в своем определении ценностей: если обогащение есть благо для общества, то почему оно не является благом для индивида? Если общество стремится к этому, то почему индивид не должен этого делать? Если страсть к обогащению губительна для индивида, то почему она благотворна для общества? Здесь даже на первый взгляд заметна непоследовательность, которая, по сути, является вопиющим противоречием.

Далее, если главной целью общества является покорение природы и наслаждение ее дарами, не логично ли будет предположить, что эта цель должна определять и характерные черты такого общества? Разве общество формируется не в соответствии со своим главным устремлением, со своей конечной целью? Разве не вероятно, что многие непривлекательные черты общества внутренне связаны с его основной целью? И, может быть, их непривлекательность вызвана характером этой цели, так что, если на основе той же цели будет создано любое другое общество, в нем проявятся все те же черты, хотя возможно и в другом обличье.

Можно провести аналогию между обществом, ориентированным на производство товаров и военным сообществом. То, что предназначено для войны, должно структурно соответствовать военным целям. Многие черты, присущие армейскому или военному сообществу, неприемлемы с точки зрения "хорошего общества". Но, пока целью является победа, военная иерархия и дисциплина необходимы, хотя, конечно, и могут функционировать с некоторыми поправками.

Аналогично можно провести связь между структурой производительного общества и его целью. Очень многое подтверждает точку зрения, что лучшие устремления социализма были обречены, когда он принял главную цель современного общества, -- как это и предвидел Руссо.

Померк социалистический идеал -- благородное этическое стремление к обществу, лишённому противоречий и превращенному в город братской любви. Меры, которые, как казалось, должны были привести к достижению этой цели, все еще провозглашаются, но осуществить их не удастся. Теперь сами эти меры все усиленнее выдают за цели, или за средства построения, но уже не того "хорошего общества", которое виделось раньше, а общества, в котором целью постепенно становятся прежние средства ее достижения. Социализм как доктрина дезинтегрируется, и теперь составные части этого прежде стройного учения развиваются практически автономно и в целях, отличных от первоначального социалистического идеала. Сорель и Парето порадовались бы этому как наглядной иллюстрации к их теориям мифов.

Перераспределение и позор бедности

В настоящее время идеал честного вознаграждения и братской любви уступил место идеалу равного потребления. Он основан на двух убеждениях: первое, что необходимо избавиться от бедности и поэтому излишки одних членов общества должны быть пожертвованы на насущные потребности других, и второе, что неравенство средств у различных членов общества плохо само по себе и должно быть более или менее радикально устранено.

Эти два убеждения логически не связаны. Первое основано непосредственно на христианской идее о братстве. Человек должен печется о ближних своих, он должен поступать как добрый самаритянин, его моральный долг -- помогать несчастным. Этот долг, в основном, хотя и не полностью, ложится на преуспевающих. [Требования Христа к богатым чрезвычайно строги. Необходимо отметить, что, когда он требует от богатого молодого человека все "раздать бедным", он не призывает бедных самим заняться распределением его богатств посредством налогов. Тогда как моральная значимость первого процесса очевидна, со вторым дело обстоит не так.] С другой стороны, нет очевидных доводов в пользу распространенного мнения, что справедливость предполагает равенство материальных условий. Справедливость означает соответствие. С точки зрения индивидуалиста, справедливость требует, чтобы личное вознаграждение было пропорционально индивидуальным усилиям, а с точки зрения социалиста, справедливость требует, чтобы личное вознаграждение было пропорционально получаемым обществом услугам. [Социалист, который имеется в виду здесь -- это не утопический социалист, озабоченный в основном установлением братства между людьми, а "органический" социалист, рассуждающий в терминах общества в целом.] Таким образом, логично будет отрицать как справедливый характер современного общества, так и утверждение, что путь к справедливости идет через равное распределение доходов.

Сегодня, однако, стали называть "справедливым" все, что с эмоциональной точки зрения представляется желательным. Бедственное положение рабочего класса совершенно обоснованно привлекло к себе в XIX веке общественное внимание. Пренебрежительное отношение к человеческим потребностям рабочих вызывало возмущение. И тогда к отношениям между потребностями и ресурсами применили идею пропорциональности. Казалось несправедливым, как то, что одни имеют меньше прожиточного минимума, так и то, что другие получают гораздо больше.

В ранней стадии развития теории перераспределения определяющим было первое чувство. Второе почти полностью стало преобладать на более позднем этапе. [В самом деле, существуют сторонники перераспределения, которых больше бы устроило урезывание доходов для их выравнивания, чем всеобщее повышение доходов при условии сохранения существующего неравенства.] На ранних стадиях развития теории перераспределения социалисты относились к ней с некоторым презрением: эта политика была в их глазах простым подкупом рабочего класса, попыткой увести его от высших целей социализма.

Однако уже тогда были разбужены глубокие чувства. Людям трудно себе представить подавление частной собственности, того, чем все хотели бы обладать; но для человека естественно сравнивать свои условия жизни с условиями жизни других. Бедные с легкостью могут себе представить, на что бы они истратили богатство других, а богатые, если они однажды осознают положение бедных, начнут испытывать некоторые угрызения совести от своей роскоши.

Во все времена были немногие избранные, которым внезапно открывался ужас бедности.

Они начинали стыдиться собственной расточительности, раздавали свои богатства и смешивались с беднотой. Все известные такого рода случаи были связаны с религиозным опытом. Человек обращался к Богу, открыв для себя бедность, либо к бедным, открыв для себя Бога. В любом случае такая связь с Богом существовала и всегда подразумевала отказ от богатства как от зла.

Однако в нашем веке чувство совсем иного рода овладело умами не только отдельных представителей, а практически всех членов ведущих классов. Общество, неумеренно гордящееся своим все возрастающим богатством, осознало, что среди изобилия бедность продолжает оставаться обычным явлением. Такое положение вызвало ряд действий, направленных на повышение жизненного уровня бедных. Если раньше открытие факта существования бедности и уверенность в невозможности ее искоренения приводили к протесту против богатых, то теперь глубоко укоренившееся почитание земных благ и осознание их могущества вызвали яростную атаку на бедность как таковую. Раньше богатство было позором перед лицом бедности, теперь бедность стала позором в глазах богатства. [Сравните современные заявления (см. у Бернарда Шоу "Я ненавижу бедных") с прежним отождествлением бедности со святостью.] Для среднего класса, задающего темп общественного развития и глубоко преданного идее прогресса, существование бедности было не только эмоционально, но и интеллектуально раздражающим фактором, так же, как существование зла для примитивного деиста. Искоренение нищеты должно было наглядно продемонстрировать возрастающую добродетельность цивилизации и возрастающее могущество человека.

Таким образом, чувство милосердия и чувство гордости шли рука об руку. Подчеркивая роль гордости, мы не хотим преуменьшить значение милосердия. Бесспорно, в некоторые исторические моменты человеческие сердца внезапно смягчаются и происходят события подобного рода. Так, развитию теории перераспределения во многом способствовали эмоции. Как эти эмоции возникли в определенный исторический момент -- вопрос для историков, не относящийся прямо к нашей теме.

Отождествление понятий: помощь и подъем жизненного уровня рабочего класса

Следует, однако, отметить, что перераспределение кажется чем-то новым только в сравнении с прежней политикой и в связи с тем, что его начинает осуществлять государство. Само понятие общества предполагает заботу о тех, кто нуждается. Этот принцип справедлив для каждой семьи и для любого небольшого сообщества и фактически перестал осуществляться только несколько поколений назад из-за разрушения малых сообществ в ходе промышленной революции. Это привело к изоляции индивида, а новый "хозяин", которого он получил, не считал себя связанным с ним такими же узами, как "лорд" в прошлом. Характерно, что пиршества землевладельцев были праздниками для всех, тогда как потребление богатых новой эпохи -- крайне эгоистично. Более того, почти нет необходимости напоминать о том, что церковь во времена, когда она получала щедрые дары от власть имущих и богатых, была крупным центром перераспределения. Между этими старыми обычаями и эпохой общества благосостояния простираются "тяжелые времена", когда человек оставался наедине со своей нуждой.

Нельзя сказать, что люди того времени были бесчувственными: они пылали состраданием к рабам и угнетенным народам, негодовали по поводу "болгарских зверств". Хочется сделать вывод, что человеческие симпатии получают в разные времена разные направления и бывают в чем-то ограничены в каждый конкретный момент. Однако забота о наименее благополучных, несомненно, не отсутствовала никогда, как об этом

свидетельствуют Мальтус, Сисмонди и многие другие.

В двадцатом веке никто не сделал более убедительного заявления о неправильности распределения, чем Джон Стюарт Милль. ["Поэтому если бы был выбор между коммунизмом со всеми его возможностями и настоящим (1852) состоянием общества со всеми его страданиями и несправедливостями; если институт частной собственности с необходимостью влечет за собой то обстоятельство, что продукт труда распределяется так, как мы сейчас это видим, -- в отношении почти обратном вложенному труду: наибольшая доля тому, кто вообще никогда не работал, следующая по величине доля тому, кто трудится чисто номинально, и так далее по нисходящей -- вознаграждение падает по мере увеличения тяжести работы, пока не доходит до того, что самый тяжелый и истощающий труд не всегда может обеспечить даже самое необходимое для жизни, -- если бы был выбор между таким положением и коммунизмом, то все большие и малые трудности коммунизма были бы пылинкой на весах." Mill, Principles of Political Economy, II, I, par. 3.] Однако считалось, что жизненный уровень "народа" будет повышаться по мере удешевления товаров, многообещающим примером чего служило удешевление соли и пряностей. ["Существуют некоторые товары, цены на которые в настоящее время очень низки даже для беднейших классов, например, соль, а также многие виды пряностей и дешевые лекарства. Сомнительно, что какое-либо снижение цен вызовет значительное повышение их потребления" Marshall, Principles, III, iv, 3. Эти товары были когда-то предметами роскоши, поэтому была не лишена оснований надежда на то, что и другие товары перейдут из категории тех, чье потребление эластично, в группу товаров с неэластичным потреблением, в группу тех товаров, которые достаточно дешевы, и поэтому снижение цены не вызывает значительного увеличения их потребления. Маршалл приводит пример сахара, который раньше входил в группу товаров с эластичным потреблением: "Не так давно сахар входил в эту группу товаров, но его цена в Англии упала настолько, что он относительно дешев даже для рабочего класса, и поэтому спрос на него неэластичен."] Удешевление капитала также должно было улучшить относительное положение рабочего. И, как свидетельствует американский опыт, вера в преимущества конкурентной экономики для "простого человека" была не лишена оснований.

Но, возможно, здесь смешались два разных представления: первое, что изменение производительных сил более всего повлияет на положение "среднего" рабочего, и второе, что нет необходимости заботиться о неудачниках в "арьергарде".

Такова инерция общественной мысли: пока упор делался на подъеме "среднего" уровня при помощи рыночных мер, не было желания заниматься обездоленными неудачниками (ср. отношение Американской Федерации Труда в первые годы Великой Депрессии); но, когда центром внимания стал арьергард, стало ясно, что положение средних слоев тоже надо улучшать при помощи политических мер.

Помощь бедным, бесспорно, является долгом общества. Разрушение отношений добрососедства, исчезновение благотворительности со стороны аристократии, обнищание церкви привели к тому, что из-за отсутствия другого способного на это социального института эту функцию взяло на себя государство. Тем не менее, не очевидно, что политика перераспределения является лучшим средством для повышения "средних" доходов рабочих, эффективна ли она и не вступает ли в противоречие с другими законными целями общества.

Проведенное выше различие довольно сложно для понимания. На практике эти две вещи смешиваются, и не всегда ясно, для какой цели работает огромный социальный механизм,

запущенный в наше время, -- мы не всегда в состоянии понять это нами же созданное устройство. Когда сильно нуждающийся человек обеспечивается средствами к существованию через социальные программы, -- будь это минимальное пособие по безработице или элементарная медицинская помощь, за которую он не смог бы сам заплатить, -- налицо простейшее проявление солидарности. И это не имеет отношения к перераспределению в том смысле, как мы его здесь понимаем. К перераспределению относится все, что освобождает индивида от тех затрат из собственного кармана, которые он мог бы сделать и сделал бы сам, все, что высвобождает часть его дохода, тем самым повышая этот доход. Семья, которая купила бы столько же продуктов по обычным ценам, но тратит намного меньше денег, покупая их по льготным ценам, человек все равно обратившийся бы к врачу, но получивший те же медицинские услуги бесплатно, ощущают, что их доходы возросли. Именно это мы и хотим обсудить.

Как мы знаем, это касается не только бедных. В некоторых странах, особенно в Англии, все доходы повышаются, таким образом, и из большинства доходов производятся вычеты, чтобы финансировать это повышение. Влияние этих огромных удержаний и перераспределения на доходы -- очень сложный вопрос, и мы не готовы сейчас его обсуждать. Это намного сложнее, чем простое перераспределение от богатых к бедным. И все же оно в огромной степени поддерживается верой в справедливость перераспределения от богатых к бедным и в то, что в этом и состоит сущность всего процесса. На этом основном мотивационном убеждении мы бы и хотели остановиться подробнее.

Неприлично высокий и неприлично низкий уровни жизни

Рассмотрим перераспределение в его чистом виде, т. е. как изъятие части высоких доходов с целью повышения низких. Такая политика поддерживается определенным общественным отношением, и мы попытаемся выявить его некоторые ценностные критерии. Побуждение к перераспределению тесно связано с чувством стыда: позор, что так много людей должны жить в жестокой нужде, и не меньший позор, что многие ведут неподобающе богатый образ жизни, который кажется нескромным и даже неприличным. Таким образом, стремление к перераспределению в определенной мере связано с представлением о некотором минимальном уровне, ниже которого никто не должен опускаться.

Высокие доходы также вызывают ощущение неприличия. Нам кажется, что образ жизни верхушки общества -- это бессмысленная трата богатств, которые могли бы обеспечить более насущные нужды. Это, если угодно, осуждение с помощью сравнения. Более того, существует определенный "образ жизни богачей", который, видимо, вызывает абсолютное осуждение. Расходы на ночные клубы, казино, скачки и т. д. никогда не воспринимаются нами с одобрением.

Эти две оценки обычно сливаются в одно чувство, смысл которого можно выразить словами "хлеб вместо икры". Мы выступаем против пиршеств с икрой, когда другим недостает хлеба, и мы против пиршеств с икрой в принципе. Поэтому, когда присутствуют оба этих чувства -- относительное осуждение и абсолютное осуждение -- не остается сомнений в том, что перераспределение излишков является желательным. [Мысль о том, что более высокие доходы могут быть незаслуженными (см. цитату из Миля, приведенную выше), также жива. Это, конечно, связано с вышеупомянутым принципом справедливого вознаграждения. Но нам не надо принимать ее во внимание здесь, поскольку она мало используется в политике перераспределения. Разница в подходе к заработанным и не

заработанным доходам мала. Также не делается никакого различия в отношении к средствам получения дохода: творцу позволено не больше, чем тому, чья деятельность является чисто механическим повтором, или даже тому, чьи доходы являются результатом монополии.] Именно примеры таких "пустых" трат первыми приходят на ум тем, кто задумывается о перераспределении.

Разумеется, представления о надлежащем уровне потребления, которые мы назвали "абсолютными", на самом деле зависят от состояния общества в определенное время. Они фактически являются субъективными оценками правящего класса -- в наше время это средний класс. Уровни потребления, которые он считает достаточным минимумом и приемлемым максимумом, являются отражением его вкусов. Это класс, который формирует общественное мнение и определяет общественные стандарты относительно того, что является неприлично низким и неприлично высоким жизненным уровнем. [Хорошо известно, что "народ" менее критично относится к высшему обществу, чем к буржуазии. Когда представитель высшего класса имеет дополнительный общественный вес, как в случае аристократии или кинозвезд, "народ" проявляет большую терпимость.]

Нижний уровень и потолок: интеллектуальная и финансовая гармония

Теперь нам потребуется ввести некоторые термины. Мы будем называть *нижним уровнем дохода* минимально необходимый доход и *потолком дохода* -- максимальный уровень дохода, который считается желательным. Будем считать, что нижний уровень и потолок доходов находятся в "интеллектуальной гармонии", если человек или группа людей считают их величины приемлемыми. Далее, нижний уровень и потолок доходов находятся в состоянии "финансовой гармонии", если существует достаточный излишек, который можно изъять из доходов, превышающих потолок, и возместить недостаток доходов меньше нижнего уровня. Таким образом, если a -- нижний уровень дохода и существует количество доходов ниже этого уровня, равное A , которым не хватает до Aa суммы, равной L , то потолок доходов h находится в финансовой гармонии с нижним уровнем a , если доходы класса H (людей, чьи доходы превышают потолок h) больше или равны $Hh + L$.

С другой стороны, если a и h -- значения интеллектуально гармонирующих потолка и нижнего уровня доходов, и доходы H людей, получающих больше, чем A , составляют $Hh + S$ и S меньше L , тогда a и A не находятся в финансовой гармонии.

Стремление к перераспределению является стихийным чувством. Его наиболее наивным формам свойственно убеждение, что интеллектуально гармонирующие нижний уровень и потолок доходов одновременно должны быть и финансово гармоничными. Это положение, как и многие другие эмпирические идеи людей, является ошибочным. Чрезвычайно интересно спрашивать представителей западной интеллигенции, незнакомых со статистикой доходов, о том, каковы, по их мнению, приемлемые значения нижнего уровня и потолка доходов. Они всегда называют значения a и h намного выше тех, которые требуются для достижения финансовой гармонии. Излишек S всегда оказывается слишком мал, чтобы покрыть дефицит L .

Эта ошибка вызвана недостаточным знанием статистики распределения доходов. Любой статистический источник подтвердит, что большой процент общей суммы личных доходов приходится на небольшой процент получателей. Такая статистика получила развитие в США во времена Нового курса. Эти же статистические методы можно применить к распределению британских доходов, и здесь картина получится не менее впечатляющая. Рассматривая доходы *до уплаты налогов*, мы видим, что 3, 14%

получателей доходов имеют 19,4% от общей суммы личных доходов; 5,16% имеют 24,5% всех доходов; и, наконец, 12% получателей доходов имеют 36,3% общей суммы доходов. Казалось бы, такое соотношение доходов дает огромные возможности для их перераспределения. Но здесь следует подчеркнуть и то, что в нашу первую группу входят люди с доходами выше 1000 фунтов, во вторую -- с доходами свыше 750 фунтов и в третью -- люди, чьи доходы превышают 500 фунтов (до уплаты налогов). [Многие из тех, кто осуждает непропорциональную долю "верхушки", находятся в счастливом неведении относительно того, что сами принадлежат к этой группе.]

Маловероятно, что многие назовут такой низкий потолок до уплаты налогов как 1000 фунтов приемлемым²¹, таким образом определяя максимальный чистый доход для одного человека до 700 фунтов 15 шиллингов, а для семьи с тремя детьми -- до 813 фунтов 5 шиллингов.

Так, максимальный чистый доход (после уплаты налогов) составит:

	<i>заработанный доход</i>	<i>доход в виде % по инвестициям</i>
Одинокий человек	700 ф. 15ш.	625 ф. 15 ш.
Бездетная пара	732 ф. 5ш.	657 ф. 5 ш.
Семья с тремя детьми	813 ф. 5 ш.	738 ф. 5 ш.

Однако даже если согласиться с этим, и при таком потолке доходов доступные перераспределению суммы окажутся гораздо ниже, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, из общей суммы доходов, превышающих потолок, вначале надо будет вычесть расходы на содержание прислуги; далее, если мы не готовы ограничить функции государства. Казначейство должно будет возместить свои убытки, связанные с перераспределением. Если при прямом налогообложении доходов, превышающих 1000 фунтов, казна получает 612 миллионов, то из перераспределяемой в пользу низких доходов суммы она может рассчитывать только на небольшую часть от своих прежних поступлений. Поэтому государству придется удержать из перераспределяемой суммы разницу между прежними поступлениями и поступлениями при новом распределении доходов или существенно поднять ставку налога на низкие доходы. Проще всего представить себе эту проблему как удержание в пользу казны из суммы, предназначенной для перераспределения. Но и этот вычет далеко не последний: чтобы сохранить прежний уровень капиталовложений, необходимо также удержать разницу между величиной сбережений, соответствующей нынешним высоким доходам и ожидаемой величиной сбережений, соответствующей тем же доходам, после того, как перераспределяемые суммы окажутся в новых руках. В результате реально перераспределяемые средства не оправдывают первоначально связанных с ними надежд.

Каким должен быть потолок доходов?

В Приложении мы приводим расчеты того, как можно получить заданный нижний уровень доходов путем сокращения всех доходов, превышающих определенный потолок. В нашем случае потолок -- неизвестная величина. В результате наших вычислений получена величина потолка доходов, которая гораздо ниже любой априорной оценки. Чтобы получить необходимый нижний уровень доходов, мы не можем довольствоваться лишь изъятием излишков у богатых, мы должны значительно задеть и доходы нижнего слоя средних классов. Максимальный чистый доход в 500 фунтов -это не то, о чем

мечталось стороннику перераспределения, но это именно та величина, к которой мы пришли. Между прочим, наши расчеты выявили тот упускаемый из виду факт, что современный уровень перераспределения был бы невозможен, если бы по существу это было, как и представляется на поверхности, перераспределением от богатых к бедным; но оно оказывается возможным потому, что это в той же степени и горизонтальное, как и вертикальное перемещение доходов.

Результат этого анализа достаточно неожидан. Он наносит удар по широко распространенному мнению, что наши общества очень богаты и что их богатства просто неправильно распределены, -- эта точка зрения была особенно популярна в тридцатые годы. На самом деле мы обнаружили, что те излишки, которые нам хотелось бы безжалостно изъять, -- при этом, полагая, что это никак не скажется на уровне производства, -- совершенно недостаточны для того, чтобы поднять низкие доходы до желательного уровня. Преследование этой цели вызывает снижение жизненного уровня даже у нижнего слоя средних классов.

Теория перераспределения возникла на основе двух этических оценок, выразившим абсолютное осуждение, -- несправедливого недопотребления и существования наряду с ним несправедливо высокого уровня потребления. Как хорошо, если для достижения достойной цели не надо жертвовать чем-то ценным, если ваши средства борьбы со злом являются благими! Таким образом, эта проблема выглядела в глазах интеллектуала, размышлявшего об общественном устройстве. Существовал недостойный образ жизни бедняков, от которого интеллектуал мечтал избавиться, и он рассчитывал, что это можно сделать, просто избавившись от другого недостойного образа жизни -- образа жизни богатых. Интеллектуал (но не художник), конечно, не испытывает симпатии к откровенной роскоши богачей. Поэтому, с его точки зрения, политика перераспределения не повлечет за собой никаких социальных потерь. Но если потолок доходов будет таким низким, как мы говорили, то это многое меняет. В этом случае будет разрушен достойный образ жизни и те нормы, к которым интеллектуал привык и которые он считает необходимыми для выполнения тех социальных функций, которые он ценит больше всего.

Теперь, когда наделение средствами одних по-прежнему кажется справедливым, справедливость изъятия средств у других уже не выглядит столь очевидной. Легко сказать: "Ротшильд должен отказаться от своей яхты". Но совсем другое дело сказать: "Боюсь, Бергсон должен лишиться того скромного достатка, который позволяет ему заниматься своим делом". Речь идет не только о незаработанных доходах: будут ущемлены и государственный служащий, и инженер, и интеллектуал, и художник. Хотим ли мы этого? Считаем ли это справедливым?

Хорошо известно, что даже самые рьяные сторонники перераспределения не считают это желательным или справедливым. Ведь вознаграждения, получаемые государством за его все расширяющиеся функции перераспределения, гораздо выше, чем те потолки доходов, которые мы определили в нашем исследовании. Это самое очевидное доказательство того, что сторонники перераспределения на самом деле не считают эти потолки доходов желательными или приемлемыми. Однако человеку свойственно ошибаться, и вполне возможно, что сторонники перераспределения правы в том, что оно необходимо, и ошибаются в установлении относительно высоких доходов тому, кто его осуществляет. Это может быть уступкой обстоятельствам и традиционным взглядам или же непоследовательностью. Давайте поэтому непредвзято рассмотрим возможность того, что в целях повышения доходов, недостигающих минимального уровня, могут быть

оправданы удержания даже из очень скромных доходов.

Поскольку теперь нам необходимо оценить, что хуже -- ненормально низкий потолок доходов среднего класса или же недостаточные доходы рабочих, нужен своего рода критерий справедливости. Нам предлагают "арифметику счастья", исчисление удовлетворенности, теперь одетое в новые одежды экономики благосостояния.

Удовлетворенность

Перераспределение началось с осознания того, что одни имеют слишком мало, а другие -- слишком много. Когда пытаются выразить эту мысль точнее, обычно предлагают две формулировки. Первую можно назвать объективной, вторую -- субъективной. Объективная основана на представлении о приличном образе жизни, ниже которого никто не должен опускаться; другие образы жизни приемлемы и желательны в определенных пределах выше этого уровня.

Субъективная формулировка не определяет того, что является объективным благом для людей, и ее можно выразить примерно так: "Для богатых потеря будет не столь чувствительной, как приобретение для бедных", или даже более прямо: "Определенная потеря дохода будет значить меньше для богатого, чем соответствующий прирост дохода для бедного".

Здесь сравниваются степени удовлетворенности. Можно ли такое сравнение считать эффективным? Можно ли хоть с какой-нибудь степенью точности измерить понижение удовлетворенности у одних и повышение ее у других? Если да, то мы можем узнать, как достичь максимальной суммы личных удовлетворенностей при заданном уровне производства, причем будем считать, что этот уровень остается неизменным.

Такая идея не могла не возникнуть в кругу экономистов, так как понятие максимизации удовлетворенности использовалось в разных контекстах уже не одно десятилетие. Чистая теория потребительского спроса рассматривает индивида как человека, обладающего определенным доходом, который он расходует на предлагаемые рынком по определенным ценам товары таким образом, чтобы получить максимум удовлетворенности. Чистая теория обмена рассматривает две стороны, каждая из которых обладает определенным количеством товара и желает приобрести товар другой стороны. Каждая сторона меняет часть своего товара на часть товара партнера до тех пор, пока дальнейшее приобретение очередной порции товара не требует от него большей жертвы, чем ценность этого приобретения для него. Можно сказать, что к этому моменту каждая сторона получает наиболее удовлетворяющий ее набор товаров и, в определенном смысле, удовлетворенность обеих сторон максимизирована. [См. рассуждения проф. Ногаро в "La Valeur Logique des Theories Economiques" (Paris, 1947), chap. IX, "La Theorie du Maximum de Satisfactions".] Несколько фантастическая теория общего равновесия распространяет чистую теорию обмена на случай большого числа людей и большого количества товаров. Общее равновесие -- это эстетический и математический оптимум, которым экономисты склонны прямо или косвенно считать оптимум удовлетворенности. Такое убеждение действительно является интуитивной необходимостью для экономиста. Постулируя, что экономическое поведение определяется стремлением каждого к максимизации личной удовлетворенности, и, утверждая, что любое равновесие в обмене есть наилучший компромисс между удовлетворенностями сторон, и что тем самым равновесие максимизирует сумму их удовлетворенностей, они пришли к выводу, что общее равновесие является наилучшим состоянием с точки зрения отдельного человека, а с точки зрения общества в целом -- это оптимальное сочетание индивидуальных

достижений. [См. дискуссию Самуэльсона в "Foundations of Economic Analysis" (Cambridge, 5 March 1948), chap. VIII, "Economy of Welfare".] Из того, что общее равновесие является оптимальным сочетанием, логически следует, что любое отклонение от общего равновесия вызовет преобладание роста неудовлетворенности над ростом удовлетворенности. Таким образом, как только общему равновесию придается психологическое толкование, приходится сравнивать степени удовлетворенности разных индивидов или, по крайней мере, изменения в этих степенях.

Очевидно, что общее равновесие включает в себя некий оптимум для каждого индивида, который зависит лишь от уровня доходов, находящихся в его распоряжении, и картина общего равновесия будет меняться с изменением распределения этих доходов. Если общее равновесие можно сравнивать с "менее чем равновесным" состоянием по критерию увеличения суммарной удовлетворенности, то и общее равновесие, возникающее на основе определенного первоначального распределения, можно сравнивать с общим равновесием при другом первоначальном распределении. Таким образом, само понятие общего равновесия как состояния, каждое отклонение, от которого влечет за собой снижение суммарной удовлетворенности, прямо приводит к "экономике благосостояния" и фактически является источником ее утверждений в стиле Парето.

Теория убывающей полезности

Ведущую роль в современной экономической науке, развитой Вальрасом и Джевонсом, сыграла не только теория максимизации удовлетворенности. Аксиома об убывающей полезности со времен этих экономистов до сегодняшнего дня продолжает оставаться одним из основных инструментов экономических исследований. Тот факт, что определенная часть продукта a тем менее ценна для владельца, чем большим количеством продукта a он обладает, прекрасно объясняет приобретения обеих сторон в процессе обмена: каждая сторона отказывается от "последних" долей товара, которого у нее много, чтобы приобрести "первые" доли товара, которого у нее нет. Два набора товаров a и b , первоначально сосредоточенные в разных руках, возрастают в стоимости в процессе обмена, поскольку последние доли товара a , мало полезные для A , переходят в руки B , для которого они имеют большую полезность, в то время как A приобретает у B последние доли товара b , которые более ценны для него, чем для предыдущего владельца.

В этой операции обмена надо учитывать два обстоятельства. Отказываясь от последних долей товара a , владелец A мало теряет, тогда как, приобретая первые доли товара b , он многое получает. Предположим теперь, что он настолько обеспечен товарами $b, c \dots n$, что не намерен приобретать товар b , а отказ от последних долей товара a для него по-прежнему лишь небольшая жертва, в то время как для B приобретение первой доли товара a -- большой выигрыш. То есть, можно сказать, что при смене владельца потребительская стоимость этой части товара a возрастает.

Таким образом, от аксиомы убывающей полезности мы переходим к предположению об убывающей полезности дохода. Выдающимся экономистам не составило труда распространить аксиому убывающей полезности на доходы. Так, проф. Пигу писал: "Очевидно, что любое перемещение доходов от относительно богатого человека к относительно бедному примерно такого же характера должно увеличить общую сумму удовлетворенности, поскольку это обеспечивает удовлетворение более насущных потребностей за счет менее насущных" [Pigou, Economics of Welfare, 4th ed. (London, 1948), p. 89]. Благодаря своей простоте это утверждение воспринимается легче, чем утверждение проф. Лернера: "Общая удовлетворенность максимизируется таким

распределением доходов, которое уравнивает предельные полезности доходов всех членов общества" [A. P. Lerner, *The Economics of Control*, 3rd ed. (1947), chap. II, p.29].

Предельная полезность дохода -- это модный термин для обозначения удовлетворенности или удовольствия, получаемого от последней единицы дохода. Допустим, эта единица равняется 10 фунтам. Утверждение проф. Лернера означает, что доходы хорошо распределены, если потеря 10 фунтов будет одинаково переживаться всеми членами общества. Утверждение проф. Пигу означает, что передача 10 фунтов из одних рук в другие оправдана, если новому владельцу эта сумма принесет больше удовлетворенности, чем предыдущему.

Проф. Роббинс со свойственным ему изяществом утверждал [L. Robbins, *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, 2nd ed. (London, 1935), chap. VI], что распространение теории убывающей полезности на доходы не оправдано потому, что применение маржиналистской теории в этой сфере подразумевает сравнение степеней удовлетворенности разных людей. Это опять заводит в ту ловушку, которой стремятся избежать при разумном применении этой теории. Удовлетворенность разных людей, утверждает Роббинс, нельзя мерить одной меркой.

Этот аргумент неожиданно оказался спасительным для приверженца экономики благосостояния, который взвалил на себя невыполнимую задачу уравнивания предельных полезностей для разных индивидов. Доказав, что это является патовой ситуацией, проф. Роббинс тем самым невольно вызвал следующий ход: "Вероятная величина общей удовлетворенности максимизируется при *равном* распределении доходов" (Лернер) [Lerner, *The Economics of Control*, pp. 29--32]. Нет необходимости подробно приводить доказательство проф. Лернера, которое опирается на в высшей степени искусственные предпосылки: первоначальное равенство доходов и то, что отклонения от этого равенства являются случайными. Силу аргумента равного распределения определяют не столько эти формальные рассуждения, сколько другое. Если равное распределение предлагается как средство максимизации удовлетворенности, те, кто выступает против него, возлагают на себя бремя доказательства того, что получателям больших доходов необходимо и больше удовольствия для достижения того же уровня полезности, а это не может не шокировать демократическое общество.

Некоторые другие аспекты и оценки

Таким образом, дискуссии о максимизации удовлетворенности неизбежно приводят к выводу о необходимости равного распределения. Этот вывод, однако, основан на предпосылке, что вкусы и образ жизни людей не обязательно формируются в соответствии с их доходами, что было справедливо отмечено профессором Пигу [Pigou, *A Study in Public Finance*, 3rd ed. (London, 1947), p. 90].

Не требует доказательств то, что снижение дохода вызывает снижение определенной удовлетворенности, тогда как повышение дохода выше определенного предела -- это получение пока еще не определенной удовлетворенности. Гораздо важнее то, что не всегда оправдано маржиналистское представление о доходе, как о последовательности убывающих величин, последняя из которых всегда может быть исключена без ущерба для других.

Определенный образ жизни подразумевает определенную структуру расходов, из которых всегда можно "отжать воду". Но наступает момент, когда сохранение прежнего уровня жизни становится невозможным; человек должен приспособливаться к новым условиям,

он опускается на другой жизненный уровень, что неизбежно вызывает огромную неудовлетворенность.

Можно сказать, что предыдущее обсуждение удовлетворенности отодвинуло на задний план уровень неудовлетворенности, вызванной потерей дохода. Поскольку мы все еще руководствуемся принципом Роббинса, что удовлетворенности и неудовлетворенности разных людей несоизмеримы, можно прибегнуть к другому известному способу измерения. Нельзя доказать, что сумма личных удовлетворенностей тех, кто приобретает, выше суммы личных удовлетворенностей тех, у кого средства изымаются. В самом деле, есть все основания полагать, что в случае распределения средств, отобранных у одних людей, среди такого же числа других, последние получают меньшую суммарную удовлетворенность, чем ее потеряют первые. Но дело в том, что эти средства распределяются между гораздо большим числом людей. И довольных будет больше, чем недовольных, плюсов больше, чем минусов; и поскольку нельзя точно измерить значение этих величин, остается констатировать преобладание плюсов над минусами и считать этот результат успешным, что фактически сейчас и делается.

Всеми признается, что уровень неудовлетворенности не должен быть слишком высоким, и поэтому процесс сокращения высоких доходов должен быть растянут во времени.

Чтобы решить проблему сравнения удовлетворенности и неудовлетворенности, решили идти эмпирическим путем. Если мы согласны с точкой зрения Лансинга, что демократия -- это строй хорошо управляемой борьбы, в котором сила должна брать верх без насилия, то мы можем сказать, что неудовлетворенность, вызванная потерей дохода, измеряется политическим сопротивлением мерам по перераспределению, и что победа или поражение этого сопротивления означает преобладание неудовлетворенности или удовлетворенности этими мерами. Таким образом, исход политической борьбы из-за доходов всегда максимизирует благосостояние.

Однако это было бы действительно так только в том случае, если все члены общества были бы заняты удовлетворением лишь своих личных потребностей и были бы безразличны к любым нравственным императивам. Тогда, действительно, сила и энергия их требований выражала бы уровень их удовлетворенности. К счастью, эта борьба нигде не происходит в такой атмосфере чистого и осознанного эгоизма.

Дискриминация меньшинства

Нецелесообразность радикального выравнивания доходов в течение короткого времени не требует доказательств. Психологи предупреждают о возможности бурного и социально опасного поведения тех, кто был внезапно выбит из жизненной колеи. [То необыкновенное согласие на резкое снижение своего экономического положения, которое выказали обеспеченные классы Великобритании, было вызвано патриотизмом военного времени, когда война угрожала существованию нации. Правительство, ведущее войну, почти добилось "молчаливой революции". Могло ли в мирное время с той же готовностью быть принято такое же стремительное снижение доходов в целях социального перераспределения -- является сомнительным. Оно могло бы вызвать возмущение высших классов, что привело бы к ослаблению государства.] Экономисты предупреждают, что при переходе к общественному использованию тех производительных ресурсов, которые раньше обеспечивали нужды состоятельных классов, в краткосрочной перспективе прибыль от производства новых общедоступных товаров и услуг будет гораздо ниже прибыли от производства прежних предметов роскоши и услуг. [Хочу сослаться на высказывание проф. Девонса: "Может пройти довольно много времени, пока мощности,

использовавшиеся для производства дорогих товаров, могут быть переориентированы на прибыльное производство других товаров". Раньше я думал, что сокращение рынка дорогих товаров в результате радикального перераспределения вызовет довольно серьезные изменения, что услуги, стоящие миллион для богатых, не могут, будучи перенаправленными на бедных, стоить столько же. Это интуитивное представление было основано на том, что богатые платят друг другу фантастические суммы за услуги, как, например, известный врач известному адвокату, создавая таким образом внутреннее циркулирование высоких стоимостей, которое должно сократиться при оказании давления на высокие доходы. Само существование высоких доходов вызывает высокую оценку такого рода деятельности, которая, с одной стороны, увеличивает эти доходы, а с другой, поглощает часть расходов этих людей. Мне казалось, что при радикальном перераспределении все подвергнется дефляции, и поэтому покупательная способность сократится. Но д-р Хендерсон и проф. Девонс взяли на себя труд опровергнуть мою точку зрения с теоретических позиций, и я принимаю их аргументы.]

Признание возражений против краткосрочного выравнивания доходов не ослабляет аргументы в пользу их долгосрочного выравнивания -- оно даже усиливает их. Сдерживая темпы радикального уравнивания и давая людям возможность постепенно привыкнуть к новым условиям жизни, мы тем самым признаем, что различия в субъективных потребностях являются вопросом привычки, историческим феноменом. Конечно, нам кажется, что уравнивание доходов ныне живущих людей было бы преждевременным: мы знаем этих людей и знаем, насколько различны их потребности. Но мы считаем возможным поступить так с людьми, которые, как нам кажется, меньше отличаются друг от друга, по той простой причине, что они как личности еще не существуют. Поэтому мы можем считать разумным в будущем то, что в реальности кажется совершенно абсурдным.

Это обычное обольщение разума, легко пленяющегося простотой -- строить свои схемы вдали от раздражающих сложностей знакомой реальности, в будущем или туманном прошлом, там, где все зыбко и смутно. А затем полученная таким образом рациональная схема может использоваться для оценки и осуждения несовершенств сегодняшнего дня.

Давайте, однако, отметим одно последствие уравнивания, которое сохранится независимо от того, в близком или далеком будущем мы планируем завершить нашу реформу. Предположим, что устранены все различия во вкусах, вызванные социальными привычками. Тем не менее, люди не будут одинаковыми. Должны сохраниться определенные различия в индивидуальных вкусах. Экономический спрос уже не будет определяться различиями в личных доходах -- эти различия будут устранены. Спрос будет определяться только количественно. Понятно, что товары и услуги, пользующиеся спросом большого числа людей, будут стоить для них дешевле, чем товары и услуги, пользующиеся спросом малого числа людей для этой последней группы потребителей. Удовлетворение потребностей меньшинства будет стоить дороже, чем удовлетворение потребностей большинства. Люди, относящиеся к меньшинству, будут подвергаться дискриминации.

В этом явлении нет ничего нового. Это нормальная черта любого экономического общества. Люди с необычными вкусами находятся в невыгодных условиях в плане удовлетворения своих потребностей. Но они стремятся поднять свои доходы, чтобы удовлетворить свои особые нужды. А это, надо сказать, является наиболее мощным стимулом. Его эффективность подтверждается тем, что многие представители расовых и религиозных меньшинств отличаются особой целеустремленностью, добиваются высоких доходов, занимают ведущие посты. То, что справедливо в отношении этих меньшинств,

справедливо и для индивидов, отличающихся необычными чертами. Социологи могут подтвердить, что в обществе свободной конкуренции наиболее активными и преуспевающими являются люди с наиболее неординарными личными качествами.

Если люди с необычными вкусами не имеют возможности экономически улучшить свое положение путем повышения доходов, то тогда во имя справедливости они подвергнутся дискриминации. [Чтение представляет собой небольшой, но понятный пример той дискриминации, о которой идет речь. Пусть первая семья приобретает каждый месяц двенадцать книг по цене в один шиллинг -- общая сумма равна 12 ш. У второй семьи другие вкусы, которые выражаются в чтении более серьезных книг, стоимость которых от 7 ш. 6 п. до 21 ш. Если вторая семья хочет иметь такое же количество материала для чтения, что и первая, ей придется истратить что-то около 6 ф. -- в десять раз больше, чем первой семье. Это означает, в случае равных доходов, что фактически вторая семья будет находиться в менее выгодном положении, чем первая, с точки зрения удовлетворения своих потребностей.]

Это будет иметь четыре следствия. Первое, материальные проблемы у людей с неординарными вкусами; второе, потеря для общества тех усилий, которые предпринимались бы этими людьми для удовлетворения своих особых потребностей; третье, утрата обществом разнообразия жизненных стилей, возникающих в результате успешного удовлетворения этих особых потребностей; четвертое, утрата обществом тех видов деятельности, которые поддерживаются спросом меньшинства.

Что касается последнего пункта, можно вспомнить всем известный факт, что некоторые широкодоступные сегодня товары, например, специи или газеты, первоначально являлись предметами роскоши и продавались только благодаря тому, что немногие люди хотели приобрести их по высоким ценам и имели такую возможность. Трудно сказать, каким бы сейчас было экономическое развитие Запада, если, как того требуют реформаторы, были бы определены приоритеты, то есть, если бы производственные усилия были направлены на выпуск большего количества товаров для большинства в ущерб разнообразию товаров для меньшинства. Но бремя доказательства того, что экономический прогресс был бы столь же впечатляющим, лежит, конечно, на реформаторах. История показывает нам, что каждое последующее увеличение возможностей потребления было связано с неравным распределением средств потребления. [В последние годы общественное мнение уделяет все больше внимания роли, которую играет накопление капитала в развитии экономики. Но до сих пор не обращали внимания на взаимоотношения между распределением покупательной способности и прогрессом. Опыт показывает, что прогресс сдерживается в тех случаях, когда неравенство чрезмерно наследуется, а также когда шкала доходов имеет разрывы. Но он также сдерживается, когда равенство достигается насильственными мерами. Видимо, существует оптимальное для целей прогресса распределение потребительской способности. Этот вопрос хорошо было бы исследовать.]

Влияние перераспределения на общество

Никто не пытался нарисовать картину общества, возникшего в результате радикального перераспределения, вдохновленного логикой максимизации удовлетворенности. Даже если допустить, что это будет общество с теми значениями нижнего уровня и потолка доходов, что мы даем в Приложении, то и в этом случае в таком обществе будет невозможен образ жизни, присущий нашим лидерам во всех областях, -- будь это бизнесмены, общественные или профсоюзные деятели, художники или интеллектуалы.

Мы условились не принимать в расчет, какое бы то ни было снижение активности

индивида или сокращение объема производства. Но перераспределение доходов вызовет большие изменения в экономической деятельности. Спрос на одни товары и услуги возрастет, спрос на другие -- снизится или исчезнет. Специалистам в области потребительского поведения не составит труда приблизительно оценить рост и падение спроса на разные группы товаров. [В случае повышения низких доходов с большой степенью вероятности можно говорить о необходимости использования дополнительных финансовых средств. Изменения для отдельных семей будут происходить в рамках тех изменений, которые происходят в существующих социальных условиях, и результаты которых хорошо известны. Снижение высоких доходов, с другой стороны, повлечет очень большие изменения уровня жизни для отдельных семей. Недостаточное количество таких примеров не позволяет сделать общие выводы на материале нашего общества, что, однако, не мешает делать разумные предположения.]

Некоторые виды деятельности современного общества постепенно исчезнут из-за отсутствия на них спроса. Таким образом, будет подтверждена теория "неправильной направленности производительной деятельности" Уикстеда. Этот известный экономист утверждал, что неравенство доходов искажает распределение производственных ресурсов [P. H. Wicksteed, *Common Sense in Political Economy* (London, 1933), pp. 189--91]. Поскольку в рыночной экономике трудовые усилия направляются туда, где они лучше вознаграждаются, богатые могут отвлекать эти усилия от удовлетворения насущных потребностей бедных и направлять их на удовлетворение собственных прихотей. Высокие доходы -- это своего рода магниты, оттягивающие трудовые усилия от сфер их наилучшего применения. В нашем реформированном обществе с этим злом будет покончено.

Я лично без сожаления расстался бы со многими услугами, которыми пользуются богатые, но вряд ли найдутся сторонники ликвидации всех видов деятельности, которые служат людям с чистым доходом свыше 500 фунтов. Прекратится производство всех высококачественных товаров. Будут утрачены навыки, необходимые для их производства, огрубеют вкусы, которые этими товарами формировались. В первую очередь и наиболее значительно пострадает производство художественной и интеллектуальной продукции. Кто сможет покупать картины? И даже книги, кроме дешевых бульварных изданий?

Можем ли мы примириться с тем уроном, который будет нанесен цивилизации, если творческая интеллектуальная и художественная деятельность не смогут найти своего покупателя? Должны примириться, если будем следовать логике исчисления удовлетворенности. Если раньше 2 тыс. гиней тратились двумя тысячами покупателей на приобретение философского или исторического исследования, а теперь 42 тысячи покупателей тратят эти деньги на книги ценой в один шиллинг, то вполне возможно, что суммарная удовлетворенность возрастает. Таким образом, получается, что общество от этого выигрывает, если рассматривать общество как совокупность независимых потребителей. При исчислении суммарной удовлетворенности индивидов не учитываются потери от невостребованного обществом научного исследования, что, кстати, выявляет крайне индивидуалистический характер позиции, которую обычно называют социалистической.

Но, даже вопреки логике своих рассуждений, самые ярые сторонники перераспределения доходов негативно относятся к сопутствующим культурным потерям. И они предлагают, на их взгляд, разумный выход. Действительно, люди не смогут создавать свои личные библиотеки, но будут общественные библиотеки, даже больше и лучше, чем теперь. Действительно, издание книг не будет поддерживаться читательским спросом, но автор

сможет получать помощь от государства и т.д. Все сторонники политики радикального перераспределения дополняют эти меры самой щедрой государственной поддержкой всего здания культуры.

Это требует двух комментариев. Вначале рассмотрим способы компенсации, а затем их значение.

Чем выше уровень перераспределения, тем больше власти у государства

Мы уже отмечали, что из-за сокращения объемов инвестируемого капитала вследствие перераспределения доходов государство должно удерживать из перераспределяемых сумм те же или почти те же средства, что раньше, при существовании высоких доходов, направлялись на инвестиции. Из этого логически следовало, что государство будет само заниматься инвестициями, принимая на себя большую ответственность и большую власть.

Теперь мы увидели, что, лишив индивидов возможности материально поддерживать сферу культуры в результате сокращения их доходов, государство берет на себя еще одну ответственную функцию и еще большую власть.

Из этого следует, что государство финансирует, а значит и определяет, капиталовложения, и что оно финансирует культурную деятельность, а, следовательно, и определяет, какие направления культуры поддерживать. Поскольку больше нет частных покупателей книг, картин или других произведений культуры, государство должно поддерживать литературу и искусство либо как покупатель, либо путем предоставления субсидий авторам, либо и тем и другим способом.

Это не может не вызывать беспокойства. О том, как быстро возрастет власть государства в результате политики перераспределения, можно судить уже по той огромной власти, которую оно имеет сегодня в результате лишь частичного перераспределения.

Ценности и удовлетворенность

Знаменателен тот факт, что сторонники перераспределения хотят при помощи государственных средств остановить вырождение высших форм деятельности, к которому привело бы перераспределение, пущенное на самотек. Они хотят предотвратить потерю ценностей. Есть ли в этом смысл? При обосновании необходимости перераспределения утверждалось, что должен быть достигнут максимум личной и общей удовлетворенности. Для простоты доказательства было принято, что максимальная сумма личных удовлетворенностей достигается при равенстве доходов. И если это равенство доходов является наилучшим, то, следовательно, и цены, которые устанавливают на рынке покупатели, и соответствующее этой ситуации размещение ресурсов тоже, по логике вещей, должны быть самыми лучшими и наиболее желательными. Но разве тогда не противоречит всей линии доказательств требование продолжать производство товаров, не пользующихся теперь спросом?

Согласно нашим предпосылкам, благодаря процессу перераспределения мы достигли уровня максимального благосостояния, при котором максимизирована сумма личных удовлетворенностей. Не противоречит ли логике наше стремление уйти от этого состояния?

Бесспорно, когда достигнуто распределение доходов, при котором декларируется максимизация суммы индивидуальных удовлетворенностей, мы должны позволить этому новому распределению изменить размещение ресурсов и производительную деятельность,

т. к. в противном случае это перераспределение доходов потеряло бы всякий смысл. А когда ресурсы перераспределяются, мы не должны изменять их новое размещение, чтобы тем самым не уменьшить суммарную удовлетворенность. Таким образом, вмешательство государства в те сферы культуры, которые не в состоянии найти покупателя, является явной непоследовательностью. Те, кто настаивает на такой государственной поддержке перераспределения, фактически отрицают, что максимизация суммарной удовлетворенности приводит к идеальному размещению ресурсов и видов деятельности.

Совершенно очевидно, что, отрицая это, они тем самым разрушают весь процесс доказательства необходимости перераспределения. Если мы считаем необходимым поддерживать художника, хотя знаем, что, отдав мы эти средства людям, они нашли бы им собственное применение и повысили бы свой уровень удовлетворенности, то тогда мы теряем всякое право требовать, чтобы доход Джеймса был отдан людям, потому что это повысит их удовлетворенность. И как знать, может быть, Джеймс сам поддерживает художника. [Можно возразить, что богатая семья Джеймсов использовала большую часть своих доходов для менее похвальных целей, и сказать, что власти, изымая доходы Джеймсов, сделают для развития культуры больше, чем делали богатые. Для этого есть основания (сравним то, что делали правители для развития искусства от эпохи Возрождения до XVIII века с тем, что предлагали богатые буржуа в XVIII столетии), но следует отметить, что в настоящий момент мы обсуждаем перераспределение власти от индивидуумов к государству, а не перераспределение от богатых к бедным. Обладает или нет государство большей квалификацией для того, чтобы поддерживать развитие искусства, по сравнению с богатыми людьми (а здесь очень многое зависит от характера правительства и природы богатых классов), если основанием для изъятия доходов богатых является намерение государства максимизировать удовлетворенности потребителей, ему не дано право направлять эти средства на другие цели, уходя таким образом от цели максимизации всеобщей удовлетворенности.]

Мы не можем принимать критерий максимизации удовлетворенности, когда мы разрушаем личные доходы, а затем отказываться от него, когда планируем расходы государства.

Признание того, что максимизация удовлетворенности может разрушить ценности, которые мы все хотим сохранить ценой отхода от состояния максимальной удовлетворенности, разрушает сам критерий максимизации удовлетворенности.

Является ли субъективная удовлетворенность единственным критерием?

Приведенные выше рассуждения выходят далеко за рамки простого опровержения формальных аргументов в пользу перераспределения доходов. Экономистов интересует, как игра потребительских предпочтений отображается на рынке и то, как эта игра приводит размещение производительных ресурсов в соответствие с потребительскими предпочтениями. Идеальным соответствием является общее равновесие. Однако эта "идеальность" относительна: можно называть такое размещение ресурсов самым лучшим, но при этом надо помнить, что оно является лучшим с точки зрения субъективных потребностей, взвешенных в соответствии с фактическим размером доходов. Об этом, тем не менее, часто забывают. Многие экономисты, например, Уикстед, доказывали, что это размещение ресурсов не является лучшим, так как оно искажено фактическим распределением дохода. Ошибка состоит в том, что новое размещение ресурсов при оптимальном, на их взгляд, распределении доходов будет, так же как и предыдущее, считаться лучшим только с точки зрения субъективных потребностей, с поправкой новое

распределение доходов. Называя такое размещение производительных ресурсов просто лучшим, без всяких пояснений, мы прибегаем к субъективной оценке и приравниваем хорошее к желательному в духе Гоббса. Теперь экономисту вполне позволительно иметь дело только с желательным, а не с хорошим. Но то, что является оптимальным с точки зрения желаний, не является оптимальным в любом другом отношении. И никого не должно удивлять, что желательное размещение ресурсов не будет оптимальным по другим критериям.

Общество, в котором максимизирована сумма субъективных удовлетворенностей, поразит нас своим отличием от наших представлений о "хорошем обществе". Собственно, это мог бы предвидеть любой христианин или человек с классическим образованием.

Для многих сторонников теории удовлетворенности, которые привыкли видеть причину несовершенств общества в неравном распределении удовлетворенности, должно послужить хорошим уроком то, что реализация их идей приводит к таким неприемлемым последствиям. Должно быть, они ошибались в своей исходной посылке, рассматривая доходы только как средство потребительского удовлетворения. Пока отношение к доходам продолжает оставаться таким, социальный строй, максимизирующий суммарную потребительскую удовлетворенность, должен быть наилучшим, и все же он является неприемлемым. Следовательно, надо изменить наш взгляд на доходы.

Перераспределение -- конечная цель утилитарного индивидуализма

Нет сомнения в том, что в настоящее время доходы считаются средством потребительского удовлетворения, а общество -- ассоциацией содействия потреблению. Об этом свидетельствует и характер полемики, ведущейся по поводу перераспределения. Аргументы всех участников имеют много общего. Будет справедливо уравнивать потребительские удовлетворенности, говорят одни. Было бы разумным, парируют другие, стимулировать производство увеличением вознаграждения и тем самым увеличить средства потребления.

Существует американская пословица: "Мир -- это котел, а человек -- ложка в нем". Используя этот образ, каждая из наших двух сторон могла бы выбрать себе символ: увеличивающийся котел с неравными ложками или неизменяющийся, а может, и уменьшающийся котел, -- с равными. Но, возможно, мир -- все-таки не котел, а человек -- определенно, не ложка. Мы совершенно отошли от представлений о "хорошей жизни" и "хорошем обществе". Недопустимо считать, что "хорошая жизнь" -- это нечто вроде покупательского ажиотажа, а "хорошее общество" -- соответствующая очередь покупателей. И идеал сторонника перераспределения является радикальным отходом от социализма.

До своего вырождения в новую разновидность просвещенного деспотизма социализм был этической социальной доктриной. Его целью, как и целью всякой подобной доктрины, было построение "хорошего общества", в котором люди будут лучше относиться друг к другу и где исчезнет вражда. Похоже, что из современных реформаторских устремлений этот дух полностью испарился. Политика перераспределения ориентирована только на то общество, которое она хочет реформировать. Увеличение потребительской способности -- один из главных лозунгов, провозглашенных и исполненных в капиталистическом обществе, и, соответственно, это -- лозунг реформатора. И в конечном итоге выбор между правыми и левыми уже больше не является этическим выбором, это просто ставка на тех или на других.

Возьмем, к примеру, период 1956--1965 годов. Можем ли мы предсказать, что перераспределение с его возможным отрицательным воздействием на экономическое развитие обеспечит большинство более высоким уровнем жизни, чем это сможет сделать капитализм? Или мы сделаем ставку на другую лошадку?

Об этике здесь и речи не идет. Так или иначе, конечным продуктом общества считается личное потребление. С точки зрения социализма, это является крайним проявлением индивидуализма. В конечном счете, моим критерием оценки общества станет возможный уровень личного потребления при той или иной общественной системе. Ничего более тривиального еще не избиралось в качестве общественного идеала. Но было бы несправедливо обвинять в этом наших реформаторов: они не придумали его, а только заимствовали из реальной жизни.

Их надо упрекать не за утопизм, а за отсутствие утопизма, не за чрезмерное воображение, а за полное его отсутствие, не за то, что они предлагают изменить общество за грань возможного, а за отказ от каких-либо существенных перемен, не за то, что их средства нереальны, а за то, что их цели примитивны. Собственно говоря, образ мысли, преобладающий в этих "передовых кругах", является плохим образцом утилитаризма прошлого столетия.

Лекция 2

Расходы государства

Два взгляда на доход

Защитники и противники перераспределения доходов, ломая копья в борьбе друг с другом, не всегда имеют в виду один и тот же предмет. Сторонник перераспределения видит в доходе, прежде всего средство для удовлетворения потребностей, и поэтому выдвигает на первый план аргумент в пользу выравнивания удовлетворенностей. Для противника перераспределения доход -- это, прежде всего вознаграждение за вклад в производство, и он хочет устроить систему вознаграждения таким образом, чтобы максимизировать поток производимых услуг.

Аргументам ни одной из сторон не хватает основательности. Защитник перераспределения, который начинает со смелой претензии на выравнивание удовлетворенностей, признает волей-неволей, что он не умеет их сравнивать, и после неудачных попыток измерения основывает свои доводы в пользу выравнивания доходов на своем собственном невежестве. Он также не доволен и тем распределением производительных ресурсов, которое устанавливается при свободном использовании выравненных доходов. Он контролирует использование этих выравненных доходов, чтобы выравнивание не наносило ущерба распределению социальных ресурсов.

С другой стороны, противник перераспределения выступает за то, что доходы надо распределять так, чтобы это стимулировало труд наилучшим образом. Но нет оснований считать, что существующее распределение соответствует тому, к которому он стремится.

Следовательно, логика его аргументов, которой он редко имеет обыкновение следовать, приведет его к тому же перераспределению, лишь вдохновленному другой идеей и проводимому другими, но не менее смелыми, чем у его оппонента, средствами.

Было бы полезным отметить, что этот сторонник максимизации производства иногда

может и согласиться со своим противником.

Налогообложение не всегда вызывает утрату стимула к труду

Тысячи раз отмечалось, что высокая, быстро прогрессирующая ставка налогообложения оказывает сдерживающее воздействие на предпринимательство. Это хорошо иллюстрирует следующий пример. Перед нами одинокий предприниматель, доходы которого возрастали за последовательные промежутки времени сначала с 400 фунтов до 2000 фунтов, затем с 2000 фунтов до 10000 фунтов и затем с 10000 фунтов до 50000 фунтов. Каждый раз он пятикратно умножал свой валовый доход: в первый период его чистый доход возрос почти в четыре раза, во второй период -- в 2,7 раза, в третий -- в 1,4 раза. Из общей величины прироста в 1,600 фунтов за первый период в его распоряжении осталось 962 фунта 10 шиллингов, или более чем фунт из каждых двух, из прироста за второй период, равного 8000 фунтов, он получил 2212 фунтов 15 шиллингов, или более фунта из каждых четырех; из прироста за третий период, равного 40000, он получил лишь 1474 фунта 10 шиллингов, или один фунт из каждых двадцати семи! Когда его валовой доход вырос в пять раз за третий период, он фактически получил меньше денег, чем при пятикратном увеличении дохода за второй период. Вполне очевидно, что здесь мы имеем дело с быстро снижающейся нормой прибыли на произведенное усилие, что в психологическом плане является отрицательной мотивацией. Конечно, для того, чтобы это утверждение было обоснованным, мы должны проанализировать функцию производительности нашего предпринимателя на разных стадиях развития его дела. Логически возможно, что в определенный момент ему стоит гораздо меньших усилий получение 30 фунтов, чем двух фунтов в начале его деятельности. Отсюда могло бы следовать, что то же самое усилие в последний период времени, когда он вынужден отказываться от 26 фунтов из каждых полученных им 27, все-таки приносит ему чуть больше чистого дохода, чем в первый период времени, когда из каждых двух фунтов ему оставался фунт. Тогда уже будет невозможно говорить о снижающейся норме прибыли, а, вероятно, нужно будет говорить лишь о несоразмерно возрастающей норме прибыли. Однако в рассматриваемом случае с первого взгляда кажется, что нашего предпринимателя удерживает от дальнейших усилий относительная незначительность вознаграждения.

В дополнение к этому психологическому барьеру существует еще более серьезное обстоятельство. Приведенный выше пример мало вероятен сегодня, когда нашему предпринимателю не позволили бы взлететь так быстро. Налоговая система поставила бы заслоны на его пути, чтобы затруднить его рост, накопление капитала и вступление в конкуренцию с уже существующими предприятиями. Но это другой вопрос, и мы не будем рассматривать его теперь.

Было достаточно сказано о том, что налоги при перераспределении производят эффект утраты стимула к труду. Однако, справедливости ради, нельзя отрицать и стимулирующего эффекта такого налогообложения по отношению к низким и средним уровням доходов. Высокая ставка налогообложения привела на рынок труда обладателей нетрудовых доходов, платящих обычную ставку налога (снижение покупательской способности тоже сыграло свою роль), а также членов семей, где ранее работал только один человек, чьи доходы резко упали из-за высокой ставки налогообложения. Во многих случаях высокие ставки налогов вынудили людей, принадлежащих к среднему классу, увеличивать усилия, чтобы сохранить, хотя бы частично, прежний жизненный уровень.

Таким образом, нельзя сказать, что политика перераспределения всегда связана с утратой

стимула. Можно утверждать, что, с одной стороны, высокие прогрессивные ставки налогообложения отвращают людей от предпринимательства, но с другой стороны, они стимулируют *большую* активность существующих средних классов, которые должны увеличивать свои усилия, чтобы не опуститься на более низкий жизненный уровень. И, как следствие, это могло бы усилить роль этих классов в национальной экономике, а соответственно, и их претензии на лидерство. Представляется, однако, что на рабочий класс эта политика должна оказывать отрицательное воздействие, так как возрастает доля низких доходов, не зависящих от производимых усилий. Почти нет сомнения в том, что это будет иметь место в случае чистого перераспределения. Но на практике его последствия могут оказаться и совершенно иными. Поскольку политика перераспределения вынуждает здоровых рабочих разделять бремя нетрудоспособных, а холостяков брать на себя часть забот о чужих детях, как, например, во Франции, то она уменьшает доходы здоровых рабочих и холостяков и оказывает тем самым стимулирующий эффект. Эти примеры просто указывают на то, что доводы против перераспределения, с точки зрения максимизации усилий нации, не выглядят более обоснованными, чем доводы в защиту перераспределения с точки зрения максимизации благосостояния.

Другой взгляд на доход

Эти рассуждения, однако, далеко не охватывают всего, что можно сказать по поводу распределения доходов. Понимание дохода как средства удовлетворения потребностей и как вознаграждения за производительные усилия являются взаимодополняющими, но они не исчерпывают сущности дохода. Эти два понимания дохода могут удовлетворить только в том случае, если представлять себе общество чем-то вроде театральной сцены с декорацией, состоящей из комнаты и кухни. В одном углу сцены актеры жарят что-то непонятное, а в другом -- поглощают эту "еду".

Но в действительности, если уж придерживаться нашего театрального сравнения, то пространство, которое мы принимаем за сцену, на самом деле является лишь кулисами. Да, актеры и, правда, заняты производством чего-то, что они там же потребляют, съедают, размазывают по лицу, превращают в реквизит, делают все что угодно, но цель всего этого одна -- блеснуть на сцене. Другими словами, потребление не есть конечная цель производства; оно также может рассматриваться лишь как средство для достижения действительной цели -- человеческой жизни.

Для человека, изучающего важнейшие явления общества, человеческие жизни воплощают в себе красоту или, по крайней мере, вызывают интерес. Потребление же -- это просто средство для поддержания этих жизней. Для социального философа, интересующегося человеком, должно казаться нелепым, что кто-то может быть страстно увлечен идеей уравнивания запасов "еды" между людьми на том основании, что потребление этой "еды" и является смыслом жизни. С другой стороны, то обстоятельство, что этой "еды" может не хватать для поддержания жизни, должно казаться ему трагичным и являться поводом для вмешательства. Для него плохо то, что этот запас истощается, какой оборот ни приняла бы жизнь.

Чтобы закончить с этой длинной метафорой, скажем, что доходы -- это не средство для удовлетворения потребностей и стимулирующее вознаграждение. Доходы играют важную роль в поддержании жизни человека и, возможно, должны рассматриваться в основном как средства для достижения различных человеческих целей.

Потребление доходов

Понимание доходов как *средства* для удовлетворения потребностей предполагает две вещи: потребление является *асоциальным* и *непроизводительным*. Оно должно быть асоциально -- приносить удовольствие или пользу только получателю дохода. При таких условиях действительно нет видимой причины предоставлять больше возможностей Первому для удовлетворения своих эгоистических потребностей, чем Второму. Кроме того, потребление должно быть непроизводительно.

Почему Первый, а не Второй должен совершать путешествие в Италию? В самом деле -- почему, если оба просто отправляются в увеселительное турне? Но если бы Первый был молодым архитектором, стремящимся познакомиться с архитектурой эпохи Возрождения, то его поездку было бы уже нельзя ставить на одну доску с развлекательной прогулкой Второго!

Понимание доходов как средства для получения удовольствия подразумевает, что индивид, когда его трудовой день окончен, и долг обществу отдан, удаляется на покой, чтобы в уединении грызть вкусную косточку своих доходов, предаваясь эгоистичному пищеварительному процессу, ведущему в никуда.

Но это не так. Жизнь -- процесс социальный. Наша жизнь принадлежит не нам одним. Благородный человек многое может дать обществу и помимо своей профессиональной деятельности. Открытые дискуссии, организованные профессором, могут служить дополнением к его лекциям или затрагивать более сложные вопросы. Средством предоставления услуг такого рода является личный доход, потребляемый социально. Такие услуги не считаются производительными, так как они предоставляются бесплатно. При исчислении национального дохода принимаются во внимание только те услуги, на которых проставлена их коммерческая цена, и это вводит нас в заблуждение. Это делает нас слепыми к процессу разрушения некоммерческих ценностей.

Далее. Метафора о мозговой косточке дохода не принимает во внимание тот важный факт, что потребление в большой степени связано с необходимыми затратами для восстановления производительных сил.

Из кучи ненужных определений давайте вызволим на минуту "железный" закон заработной платы, из которого Маркс вывел свою знаменитую ошибку о том, что наниматель оплачивает только стоимость воспроизводства рабочей силы. Согласно "железному" закону заработной платы, рабочий получает ровно столько, сколько ему необходимо для того, чтобы справиться со своей задачей.

Если мы внимательно посмотрим на эту заработную плату, то увидим, что она не содержит чистого дохода; только то, что рабочий получает сверх этой величины, может считаться таковым. В соответствии с этим, практически все финансовые системы признают наличие части дохода, не подлежащей обложению налогом.

Из вышесказанного мог бы напрашиваться вывод, что всем получателям дохода необходимы одинаковые средства для поддержания минимального уровня жизни, а средства, превышающие этот минимум, являются чистым доходом. Что по сути дела и происходит. Идея об одинаковых базисных потребностях получила развитие благодаря ее очевидности в отношении наших низших функций, а в дальнейшем благодаря популярной практике рационирования питания.

Но на самом деле в этом заключена большая ошибка: обеспечение физического существования человека и поддержание его формы для выполнения различных

социальных функций не одно и то же.

Одной и той же суммы, достаточной для удовлетворения основных потребностей простого рабочего, необходимых для выполнения его работа, будет недостаточно служащему министерства финансов для выполнения им его специфических задач. [Конечно, совершенно ясно, что пища, достаточной для клерка или чиновника, не будет хватать шахтеру или докеру для выполнения работы требующей больших затрат физических сил. То, что такое простое требование вызвало столько споров, характеризует ту страсть к уравниванию, которая охватила Британию.] Каждый конкретный вид деятельности требует своих "функциональных расходов", которые фактически входят в стоимость продукции и не должны учитываться в величине чистого дохода. [Можно думать лишь об уравнивании "излишка" доходов. В самом деле, в случае излишков можно говорить о том, что большие "излишки" должны быть на самых неприятных работах.]

Конфликт между субъективным эгалитаризмом и объективным социализмом

Давайте на время забудем о нашем первом выводе, что личные доходы могут частично использоваться для общественного потребления, что они могут служить для удовлетворения не только самого их получателя, но и других людей, что они могут выполнять социальную функцию и поддерживать более высокие формы цивилизации, строящиеся на отношениях дарения, а не только на отношениях купли-продажи. На время сконцентрируем наше внимание исключительно на втором, а именно, на том, что потребление в определенной степени является условием производительной деятельности.

Очевидно, что обучение квалифицированного врача стоит дороже, чем обучение квалифицированного докера, и также существует разница, хотя, вероятно, и меньшая, в затратах на поддержание возможности одного и другого выполнять их различные функции. Эти различия понятны каждому, так же, как всем ясно, что докеру требуется больше еды, чем клерку.

Но если это так, то политика строгого выравнивания валовых доходов приведет к снижению эффективности выполнения более сложных функций: доходов будет недостаточно для выполнения функций, требующих *больших* личных затрат. Это очень быстро проявилось впервые же дни существования Советской России: после очень короткого периода равенства было восстановлено неравенство, причем такое резкое, что шкала вознаграждений выглядит гораздо круче, чем на Западе. Это совсем неудивительно. Во-первых, различие в заработках должно быть наибольшим там, где у выполняющих сложные функции нет источников незаработанных доходов. И на Западе мы обнаруживаем, что выполнение сложных функций требует более высокого вознаграждения там, где оно переходит к людям, не имеющим незаработанных доходов, или когда такие доходы становятся незначительными.

Второе и более важное соображение состоит в том, что логически шкала оплаты должна быть более крутой там, где ниже уровень производства на душу населения. В богатых развитых странах размер валового национального продукта таков, что существует возможность поддерживать и более, и менее талантливых людей, и достаточно большие расходы могут быть направлены на то, чтобы повысить жизненный уровень менее талантливых. Но в бедных отсталых странах национальный продукт может быть недостаточным для поддержания на должном уровне желаемого количества высоко талантливых людей, стоимость обеспечения которых превышает стоимость удовлетворения потребностей менее талантливых. В этом случае затраты на эту элиту осуществляются только за счет ущемления массы (это делает шкалу оплаты более крутой),

что контрастирует со щедростью по отношению к менее талантливым в развитых странах, где эта шкала более плоская.

Итак, оказывается, что этот контраст гораздо меньше зависит от общественного и политического устройства, чем от уровня экономического развития. Чем более отсталой является страна, тем большую нужду она испытывает в талантах, способных вырвать ее из этой отсталости, и тем сильнее побуждение поддерживать эти таланты даже ценой больших лишений для масс.

В самом деле, история развития общества учит нас, что достижения цивилизации достались нам дорогой ценой:

существование элит, от которых произошла наша культура, всегда поддерживалось эксплуатацией масс. Бакунин в числе других посвятил этому вопросу проникновенные страницы. И даже в наши дни эта проблема актуальна для азиатских и африканских стран. Эти народы могут продвинуться в своем развитии только в результате вложений в элиту наряду с вложениями в технику. В настоящее время существует тенденция обеспечивать эти вложения за счет зарубежных фондов. Но если бы западные страны не оказывали эту помощь, то существовал бы выбор: "выжимать" ее эквивалент из народных масс с низким уровнем доходов или оставить все без изменений.

"Научный" социалист, гораздо больше озабоченный будущим общественным благосостоянием, чем предпочтениями конкретных ныне живущих людей, и в связи с этим всегда склонный к обеспечению этого благосостояния за счет трудящихся масс, должен приветствовать эту самую эффективную форму вложений -- вложения в высокие таланты. Эта система не намного отличается от господствовавшей в Средние века, когда жизнь элиты обеспечивалась за счет земельного налога, выплачиваемого работниками, кроме одного очень важного момента: от появляющейся новой элиты ожидают немедленной отдачи в виде услуг в области медицины, техники, образования и т.д. Сходство со средневековой элитой с негодованием отрицается на основании того, что та не предоставляла такой "компенсации". Сейчас, например, считается, что церковные службы не приносят такой отдачи; наши предки, однако, думали по-другому.

На этом пункте можно не останавливаться подробно; достаточно ясно, что прогресс связан с существованием элиты, создание и поддержки которой стоят дорого, и доходы которой не могут быть выравнены без больших социальных потерь.

Функциональные расходы юридических лиц

Несмотря на эгалитарные тенденции, принято считать, что люди, выполняющие определенные функции, нуждаются в достаточных средствах и удобствах, которые позволяют им эти функции осуществлять. Но к таким затратам относятся совершенно по-разному в зависимости от того, осуществляются ли они этими людьми из своих доходов, или предоставляются им соответствующими организациями.

Давайте представим себе двух ученых медиков, один из которых работает в крупной научной организации, а другой занимается частной практикой. Общественному мнению не придет в голову критиковать расточительность лабораторий института, его дорогую библиотеку, ни даже, возможно, прекрасно оборудованную столовую, комфортабельные курительные комнаты, теннисные корты, призванные успокаивать нервы научных работников. Никто также не станет высчитывать норму обеспечения оборудованием, оценивать стоимость инструментов или предоставляемых удобств, и ни один статистик не

будет считать, что личный доход научного работника повышается в результате использования всех этих преимуществ.

С другой стороны, практикующий врач будет испытывать трудности во включении затрат, необходимых для поддержания своего научного уровня, в стоимость профессиональных услуг, а если он забежит в курительную или на теннисный корт, то ссылки на то, что эти успокаивающие процедуры представляют собой косвенные издержки, вызовут скорее раздражение, чем сочувствие. Хотя в действительности отдых может быть более необходимым ему, а не его коллеге, работающему в тиши лаборатории.

Здесь мы снова сталкиваемся с распространенным в наши дни представлением о том, что организации могут себе позволить то, что не могут позволить себе частные лица, а их сотрудники могут пользоваться привилегиями, в которых, будь они частными лицами, им было бы отказано.

Отношение к юридическим лицам и отношение к семье

Юридические лица в настоящее время пользуются огромными преимуществами по сравнению с частными лицами. Одной из многих сфер, в которых проявляется это преимущество, является налогообложение. Ни одному министру финансов не пришло в голову облагать прогрессивным налогом валовой доход корпораций, как это делается с личными доходами. Взимание налогов с денежных поступлений, независимо от расходов, безусловно, покончило бы с так называемыми монополиями и любыми гигантскими структурами: они все сократились бы до подобающих небольших размеров, что, конечно, повлекло бы за собой резкое уменьшение размеров активов, катастрофическое падение эффективности и огромное снижение национального продукта.

Это не только никогда не предлагалось, не получила поддержки и более мягкая мера -- прогрессивное налогообложение валовой прибыли до амортизационных отчислений. Считается само собой разумеющимся, что налогом должен облагаться только чистый доход, получаемый после вычета, во-первых, эксплуатационных расходов и, во-вторых, амортизационных отчислений. И даже этот чистый доход подвергается налогообложению только по пропорциональной ставке.

Итак, стремящееся к получению прибыли предприятие имеет тройное преимущество перед семьей, которая облагается налогом по прогрессивным ставкам и которой не разрешено предусматривать амортизацию своих фондов и вычитать эксплуатационные расходы. Хотя семья играет в обществе не менее важную роль, чем фирма.

Фирма производит товары, семья производит людей. Непонятно, почему потребности первой столь хорошо осознаются законодателями, а нужды последней игнорируются. Создается впечатление, что законодатели считают, что только фирма является организацией с определенным назначением и, значит, достойна уважения. С другой стороны, им, видимо, представляется, что получатель дохода после окончания рабочего дня болтается по ярмарочным павильонам, транжиря время на удовлетворение потребностей. При этом не осознается тот факт, что, и он по праву может считаться предпринимателем. Он женится, заводит хозяйство, воспитывает детей и -- об этом надо помнить -- делает все для того, чтобы он сам и его семья максимально преуспели в жизни. И его достижения, состоящие в том, что он и его потомки хорошо исполняют свои производственные роли в обществе, должны быть признаны полезными:

это его косвенный вклад в увеличение национального дохода. Но не следует

рассматривать эту проблему только под таким углом зрения: его успехи представляют собой гораздо большее, чем вклад в достижение какой-то *другой* цели, они *сами по себе* являются целью, это и есть цель "хорошего общества" или большей его части.

Непонятно, почему тому, кто разводит собак для собачьих бегов, предоставляется скидка на его издержки, амортизационные отчисления и т.д., а отцу семейства -- не предоставляется. Это выглядит таким образом, будто законодатели испытывают больше симпатии к цели первого, состоящей в том, чтобы продавать собак для участия в бегах, чем второго, который поставляет обществу людей, и, между прочим, в том числе солдат и налогоплательщиков.

Кажется непостижимым и почти позорным, что органы власти поддерживают содержателя варьете или дешевого кинотеатра, а не главу большой семьи, имеющей эстетическую и этическую ценность, той семьи, из которой вышли поколения людей, сделавшие Англию тем, что она есть. Отчисления на ремонт и содержание здания не входят в облагаемые налогом доходы кинотеатра. В случае же с домом это не так, и для этого нет других причин, кроме слабости законодательства. Этому не может быть извинения на том основании, что коммерческие предприятия по сравнению с семьями должны быть поставлены в более благоприятные условия, так как никто не стал бы заниматься предпринимательством, если бы коммерческие предприятия находились в таких же сложных условиях, как семьи. Ведь неприбыльные организации находятся даже в более выгодном положении, чем коммерческие. И семья является такой неприбыльной организацией, но, будучи естественным образованием, она лишена тех преимуществ, которыми пользуются искусственно созданные институты.

Расходы на потребление как форма национальных инвестиций

По общему признанию, невозможно вычленив из семейных счетов ту часть, которая может быть названа чистым доходом семьи. В случае с фирмой эта величина может быть легко получена, так как чистый доход -- это именно то, к чему они стремятся. Но если бы часть того внимания, с которым изучаются потребности предприятий, была бы направлена на исследования нужд семьи, то стало бы ясно, что следует учитывать расходы на содержание дома, развитие талантов и т.д. Сейчас для нас будет достаточно помнить об этом.

Можно видеть, что идеал, состоящий в равенстве доходов, не отвечает двум критериям: справедливости и общественной полезности.

Представим себе две семьи *A* и *B*, одинаковые по размеру, но у первой уровень образовательных и духовных устремлений значительно выше. Тогда окажется, что при предположительно более высоком доходе семьи *A* в ее распоряжении фактически окажется меньше средств, чем у семьи *B*. Все доли дохода семьи *A* немного уменьшаются, так как часть денег направляется на творческие цели. Было бы несправедливо отказываться от этих целей, вызывая чувство крушения надежд, для того, чтобы увеличить возможности бесцельного потребления семьи *B*.

С точки зрения полезности, общие расходы нации на потребление, безусловно, можно считать текущими вложениями в совершенствование ее людей. Все, что увеличивает долю "ярмарочного" потребления в ущерб затратам на созидательные цели, должно считаться нежелательным.

Приведенный выше довод -- палка о двух концах: он работает на сторонника

перераспределения в той мере, в какой оно сокращает праздные развлечения богатых в пользу здоровья бедных. Конечно, давайте превращать яхты в муниципальные жилые дома. Но он действует и в другом направлении, как только перераспределение вторгается в культурные расходы средних классов ради поддержания индустрии развлечений.

Целевые расходы -- привилегия государства

Аргументы в пользу производительного потребления настолько убедительны, что по этому поводу все мнения совпадают. Если левые не желают принимать во внимание производительное потребление при рассмотрении личных доходов, то это не от безразличия к конструктивным расходам, а потому, что это считается обязанностью государства. Отец, тратящий огромные суммы на образование своего сына, не вызывает сочувствия, а эти расходы не считаются подлежащими вычету из облагаемого налогом дохода, потому что отцу нет необходимости нести эти расходы. Государство проследит за тем, чтобы мальчик получил образование, если так решат государственные инспекторы. Ни расходы, ни само принятие такого решения не должны находиться в руках частных лиц. И не имеет значения, что личные доходы урезаны настолько, что не в состоянии обеспечить затраты на творческие цели. В этом нет необходимости, а, выражаясь более точно, -- они не предназначены для этого. Пусть получатель дохода не утруждает себя этими заботами, таким образом сохраняя свой чистый доход для расточительства; государственные власти обеспечат достижение таких личных целей, которые найдут достойными.

Такое отношение к личным доходам стремится просто превратить их в сумму, состоящую из средств для поддержания физического существования и карманных денег. Таким образом, гражданин лишается своей основной социальной ответственности, которая состоит в его личном вкладе в благополучие зависящих от него людей и его окружения. Его побуждают к тому, чтобы он превратился в своего рода техника по обслуживанию оборудования. Коль скоро он принимает такую установку, выравнивание доходов становится оправданным. И действительно, если все, что превышает стоимость удовлетворения простых физических потребностей, будет растрачено на бегах, почему у одного этот излишек должен быть больше, чем у другого?

Поскольку в результате главы семейств должны волей-неволей прекратить поставлять обществу образованных и полезных членов и лишиться возможности способствовать прогрессу общества своими личными усилиями, государство берет на себя полную ответственность за это. Как оно выполняет свои обязанности и какой ценой?

Оно не может заботиться обо всем и не в состоянии, например, создать домашний очаг, который сам по себе является воспитующим началом. Оно, тем не менее, тратит массу денег, и при этом разрушает доходы высших и средних классов, не укрепляя благосостояния рабочего класса.

Высокая степень налогообложения на всех уровнях

Мы уже говорили о том, что радикальный и последовательный эгалитаризм стремится к равному распределению доходов, нисколько при этом не заботясь о последствиях. Если в этих условиях какое-то число общественных достижений останется невостребованным, то, видимо, будет сделан вывод, что им нет места в "обществе равных".

Мы отмечали, что сторонники перераспределения не принимают такого простого выхода и поддерживают и даже развивают при помощи общественных фондов услуги, которые

"общество равных" не стало бы покупать на свободном рынке по ценам, даже близким к государственным.

Сокращение доходов высших и средних классов требует, таким образом, увеличения государственных расходов и налогообложения. Мы отмечали в первой лекции, что те суммы, которые, как казалось на первый взгляд, могут быть получены путем сокращения высоких доходов, и те суммы, которые могут быть реально перераспределены, не имеют между собой ничего общего, так как следует учитывать компенсацию казначейству и инвестиции. Но теперь должно быть сделано еще одно более важное удержание, коль скоро государство предполагает осуществлять за счет общественных фондов те расходы на созидательные цели, которые ранее несли на себе главы семей. Итак, отцу не надо тратить значительную часть своего дохода, чтобы иметь возможность послать сына в Париж учиться живописи: за это может заплатить государство. Не может идти и речи о том, чтобы снизить налог для семьи, чтобы она могла поддерживать в хорошем состоянии дом, имеющий историческую ценность, но вполне может быть назначен хранитель, получающий высокое жалование.

В самом деле, если мы не хотим, чтобы все основные ценности были дискредитированы, необходимо, чтобы перераспределяющее государство взяло на себя заботу о них. Но при этой дополнительной нагрузке на поступления от высоких доходов уже не остается средств для поднятия низких доходов. И в действительности, обремененное столь многими задачами, государство придерживается перераспределения только в том, что касается изъятия, но не в щедрости.

Кто-то может сказать, что теперь, по крайней мере, те огромные суммы, которые удастся отбирать у высших и средних классов, получают лучшее применение, и что исчезнут неоправданные затраты. Так ли это?

Маскировка личных затрат

Пожалуй, стоит более подробно рассмотреть судьбу некоторых расходов, которые ранее представляли собой личные расходы и с которыми, по-видимому, почти покончило новое распределение: они перешли в разряд деловых и организационных.

Были времена, когда бизнесмены не унижались до того, чтобы относить развлечение своих деловых или личных знакомых на счет эксплуатационных расходов, но теперь это стало повсеместной практикой. Автомобиль уже не принадлежит директору -- он принадлежит фирме. Действительно, бизнесменам, да и просто членам корпораций, здорово повезло в этом. Они имеют право относить к разряду деловых все расходы, которые хотя бы в малой степени имеют отношение к работе или могут быть представлены как таковые.

Это следствие вышеупомянутых привилегий, которыми пользуются юридические лица. Поэтому люди стремятся стать членами корпорации или поступить туда на работу, ведь при этом они приобретают права, которых лишены как частные лица, что представляет собой явное неравенство. Таким образом, в наши дни существует тенденция к возрождению средневековой ситуации: nul homme sans seigneur (нет человека без сеньора). Здесь уместно вспомнить, что так называемые "темные века" средневековья начались со стремления людей попасть под покровительство феодалов или капитулов, конец же им наступил, когда человек снова ощутил преимущества самостоятельности. Мы живем в такое время, когда все благоприятствует тому, чтобы человек был помещен в загон.

Разрушение сферы бесплатных услуг

Мы уже отмечали, что господствующие доктрины считают потребление непроизводительным и асоциальным. Мы подробно обсудили производительный характер семейного потребления и видели, что, поскольку налогообложение делает эти производительные расходы трудными для главы семьи, существует тенденция передачи их юридическим лицам или государству.

Теперь давайте рассмотрим общественный характер личных или семейных расходов. Современный государственный деятель понимает, что инженеры, химики и другие специалисты должны быть обучены и что им необходимо поддерживать форму для успешной работы, поэтому государство должно взять на себя расходы такого рода. При этом желательно, чтобы предприятие, на котором работают эти люди, включало в свои издержки обеспечение этих полезных граждан соответствующими условиями и удобствами.

Но ценность индивидуума для общества не исчерпывается его профессиональным вкладом. Общество было бы достойно сожаления, если бы люди не давали своим современникам ничего, кроме той деятельности, за которую им платят и которая входит в исчисление национального дохода. Это вообще не было бы обществом.

Достаточно часто мы наблюдаем пугающие картины:

усталые люди в пригородном поезде возвращаются после дневного труда в маленький дом, где они, запершись, будут есть и спать, пока снова не отправятся на завод или в контору. В такие моменты мы ценим то, что осталось от общества:

теплое гостеприимство, неторопливый, обстоятельный разговор, дружеское участие, добровольную и безвозмездную помощь. Культура и цивилизация, да и само существование общества, зависят от этой добровольной безвозмездной деятельности. Она требует много времени и ресурсов и стоит дорого. Похоже, что не многие из нас осознают, что она постепенно приходит в упадок.

Этот упадок незаметен в наш век цифр и парадоксальным образом отражается в статистике как рост. Это происходит потому, что прежде безвозмездная деятельность превращается в оплачиваемую и, соответственно, учитываемую при исчислении "объема производства". Человек, занимающий неоплачиваемую должность секретаря клуба, не является производителем, но он становится таковым, как только ему начинают платить. Лекции Кобдена по свободной торговле не будут считаться услугами при исчислении национального дохода, а деятельность платного партийного функционера -- будет. Достаточно странно, но получилось так, что социалисты, которым не нравятся рыночные оценки, в своей политике попали в зависимость от интеллектуальных методов, непосредственно ориентированных на оценки рынка. Вследствие этого на бесплатную деятельность по сравнению с профессиональной стали смотреть свысока. Это отношение распространяется очень широко: например, к мужу и жене часто относятся хуже, чем относились бы к ним как к работодателю и домашней хозяйке. В сфере общественной жизни недооценка значения безвозмездной деятельности направлена против самого принципа демократии.

Безусловно, очень нежелательно такое разделение общественного труда, при котором общество распадается на класс управляющих и массу пассивных граждан, которые в этом случае и не являются подлинными гражданами. Да и как же иначе, если простым людям

совсем не остается средств для того, чтобы заниматься общественной деятельностью, да еще выдерживать конкуренцию со стороны профессионалов? Как мог бы Кобден сегодняшнего дня преуспеть в своем начинании, если бы он столкнулся с враждебно настроенными профессионалами? Вызывает недоумение тот факт, что владельцам частных компаний разрешается считать законными затраты на пропаганду в их собственных интересах, а гражданину не оставляют ни крупницы дохода, чтобы он мог продолжать свою бескорыстную деятельность на общее благо.

Сокращение доходов заходит столь далеко, что даже от гостеприимства отбивают охоту. Когда государство принимает положение о том, что потребление является *асоциальным*, оно действительно становится таковым. Век социализма привел к тому, что человек стал более замкнут в своей частной жизни, стал более ограничен в выборе пути.

Коммерциализация ценностей

Важной составляющей социализма был этический протест против корыстных мотиваций коммерческого общества, где, как было принято говорить, все делается только ради денег. В таком случае, удивительным результатом социалистической политики является то обстоятельство, что многие услуги, предоставлявшиеся ранее без мысли о вознаграждении, находятся на пути к исчезновению, а часть этих услуг превратилась в профессии, и теперь они выполняются за денежное вознаграждение. Только при очень невнимательном отношении можно думать, что современное общество -- это общество, в котором все больше и больше услуг предоставляется бесплатно. Услуги, которые оплачиваются целиком из налогов, не являются бесплатными. И как они могут быть таковыми, если производители этих бесплатных услуг претендуют на заработную плату, равную или превышающую ту, которая выплачивается за услуги, покупаемые на рынке? Единственные услуги, действительно предоставляемые бесплатно, -- это те, за которые люди не получают платы, а их явно становится все меньше и меньше.

Незамеченным следствием такого развития событий является то, что теперь спрос более настоятельно правит обществом, чем раньше. Там, где не остается свободного времени и лишних денег для того, чтобы люди могли оказывать бесплатные услуги, там, где любая деятельность осуществляется, только если за нее платят либо покупатели, либо общество, нет возможности предлагать услуги, не имеющие спроса у большого числа покупателей или властей.

Давайте рассмотрим в качестве примера различные исследования положения рабочего класса, проведенные в девятнадцатом веке. В те времена такая работа не могла бы получить вознаграждения ни со стороны коммерческого рынка, ни со стороны правительства. Она проводилась по инициативе и за собственный счет такими людьми, как Виллерме или Чарльз Бут, которые считали необходимым обратить внимание общества на печальное положение вещей. Их инициатива изменила ход истории. Но именно те люди, чьи политические взгляды сформировались под влиянием результатов этих исследований, делают все, чтобы такие поступки отдельных ученых стали невозможны в будущем. И если бы современные общественные структуры могли активно действовать в те времена, то отсутствие частного и общественного спроса на такие исследования, отсутствие прибыли в перспективе и невозможность получить государственные кредиты погубили бы саму идею исследований.

Обычно для новых идей не бывает рынка. Они разрабатываются и осуществляются за счет самого новатора или небольшого числа энтузиастов. Обращает на себя внимание тот факт, что Маркс смог написать "Капитал" только благодаря пожертвованиям Энгельса из

доходов, не облагавшихся налогом. У Маркса не было необходимости продавать свои труды на рынке, ему не надо было утверждать свой проект в общественном научном фонде образования. Его карьера свидетельствует о пользе излишков доходов. Конечно, сторонники этатизма считают, что при новой системе Марксу была бы оказана всемерная общественная поддержка. Но им так кажется сейчас, потому что его идея уже стара и принята в качестве одной из основных догм нашего времени. Сейчас новатор, столь же смелый, каким был в свое время Маркс, не получил бы поддержки от совета экспертов, который распоряжается общественными фондами. И в этом нет ничего скандального: в обязанности тех, кто управляет этими фондами, не входит субсидирование смелых идей. Такие идеи должны предлагаться теми, кто убежден в их ценности и готов рисковать.

Перераспределение власти: от индивидов к государству

Теоретический и эмпирический анализ идеала сторонников перераспределения постепенно увел нас от первоначально рассматривавшегося контраста между богатыми и бедными к другому противостоянию -- между индивидами, с одной стороны, и государством и юридическими лицами, с другой. Чистое перераспределение просто переводит доходы от более богатых к более бедным. Это может быть достигнуто за счет реверсивного налога, или субсидирования низкооплачиваемых групп населения из средств, полученных от специального налога на высокие доходы. Но такой метод не получил распространения. Государство взяло на себя роль опекуна низкодоходной группы и раздает в скудных размерах услуги и льготы. Для того чтобы избежать появления "защищенного класса", что является фатальным для идеи политического равенства, возникло стремление распространить эти условия на всех членов общества: удешевить еду и квартирную плату не только для бедных, но и для богатых, оказывать медицинскую помощь богатым на тех же основаниях, что и нуждающимся.

Стоимость таких услуг в Англии стремительно возросла и, согласно журналу "Экономист", достигла суммы в 1.800 млн. фунтов в год ("Экономист", 1 апреля 1950 г.) Ее невозможно покрыть за счет налогообложения богатых:

урезывание всех доходов свыше 2.000 фунтов приносит только 431 миллион фунтов, а доходов свыше 1.000 фунтов -- 784 миллиона. В действительности, чтобы иметь возможность дать всем, власти должны отбирать у всех. Как показало исследование, проведенное Е.С.А. (Economic Cooperation Administration) в Великобритании, семьи с низкими доходами, взятые в целом, вносят в казну больше, чем получают из нее.

Чем больше мы углубляемся в этот вопрос, тем яснее становится, что сутью перераспределения является не столько перераспределение доходов от богатых к бедным, сколько перераспределение власти от индивидов к государству.

Перераспределение как мотив для оправдания роста общественных расходов

Вообще говоря, общественные финансы довольно скучный предмет, но история общественных финансов первой половины XX века захватывающа: они претерпели революционные изменения и, в свою очередь, явились средством революционизации общества. Из многих новых черт, присущих общественным финансам, наиболее значительны две: во-первых, они были использованы для изменения распределения национального дохода между социальными классами и, во-вторых, доля национального дохода, проходящая через систему общественных финансов, неимоверно выросла.

Другое важное нововведение -- использование бюджета для стабилизации экономики в

целом -- вытекает из первых двух и тесно с ними связано. Главное, что я хотел бы здесь отметить, -- это то, что открытое признание политики перераспределения привело к огромному росту налогообложения и общественных расходов. Изменение роли государства в перераспределении доходов, конечно, вызвало увеличение объема общественных платежей и рост системы общественных финансов, но этот рост значительно превышает тот, который необходим для выполнения этой функции. Такой рост натолкнулся лишь на слабое сопротивление: я считаю, что поворот сознания в сторону общественных расходов был вызван политикой перераспределения, причем больше всего выгадал от этой политики не малообеспеченный класс в сравнении с высокообеспеченным, а государство в сравнении с гражданином.

Давайте вспомним, что в прошлом органам государственной власти с трудом удавалось не только повысить свою долю в национальном доходе, но и (даже в периоды, характеризовавшиеся ростом реальных или номинальных доходов), сохранить причитающуюся им долю на том же уровне. Все революции, происходившие в Европе между 1640 и 1650 годами: Английская революция, Неаполитанская и неудавшаяся французская Фронда, похоже, были связаны с сопротивлением налогоплательщиков требованиям правительств увеличить их фонды из-за "революции цен". В старые времена позиция налогоплательщиков диктовалась их стремлением сохранить правительственные поборы на прежнем номинальном уровне. Поэтому почти невероятно, что, несмотря на период инфляции, через который мы прошли, в нашем веке правительства находят возможность для получения все возрастающей доли реального дохода нации.

Правители, конечно, склонны считать, что чем большую часть личных доходов им удастся привнести в казну, тем это лучше для общества в целом. Ведь кто, как не они, являются лучшими радетьями за общественное благо, которое не дано понять индивидам, занятым преследованием своих эгоистических интересов? Налогоплательщики, однако, в течение веков демонстрировали плохое понимание высшей способности своих правителей тратить заработанные гражданами деньги и упрямо отстаивали свое право использовать свои доходы, как они сами считают нужным.

В самом деле, отрицательное отношение субъекта к налогообложению было тем обстоятельством, которое превращало его в гражданина, оно создало основы нашей политической системы. Чем первоначально являлся Парламент, как не изобретением для преодоления сопротивления налогоплательщиков? Когда я в наши дни читаю о собрании профсоюзных деятелей, приглашенных министром, призывающим их к подъему производительности, мне кажется, что это должно напоминать первые ассамблеи парламента, где представителям налогоплательщиков рассказывалось о финансовых тяготах государства. Недовольство людей способствовало усилению Парламента.

Сплоченность налогоплательщиков была в те времена оплотом личной независимости и краеугольным камнем политической свободы. Удивительно, до какой степени распалась эта сплоченность в последнем поколении. Это явление, политическим последствиям которого еще не было уделено достаточного внимания, тесно связано с политикой перераспределения.

Противодействие налогообложению не всегда было всеобщим; при последних Стюартах и последних Бурбонах были небольшие группы пенсионеров, которые выступали за увеличение финансового давления на массы. Именно тогда был выработан один из основных принципов налогообложения: никого не следует избавлять от налогов, и ни одна группа не должна иметь преимуществ. Эти принципы были нарушены в начале

нашего века, когда государство начало субсидировать, хотя и умеренно, специальные услуги для определенных групп; одновременно была принята новая система налогообложения -- добавочный подоходный налог, который касался только меньшинства. Это было началом раскола солидарности налогоплательщиков. Когда война потребовала резкого увеличения ставки подоходного налога, это оказалось невыносимо для бедных слоев, стали необходимы льготы и скидки; компенсировано же это было за счет еще большего увеличения добавочного налога.

Итак, большая величина налога привела к необходимости разного отношения к разным доходным группам. Когда же с окончанием войны государство сохранило часть своих доходов от налогообложения, оно нашло извинение своей алчности в том, что обеспечило непривилегированные классы определенными налоговыми льготами. Таким образом, большое увеличение государственных поборов и расходов оказалось переносимым для большинства в результате принятия некоторых мер по перераспределению; этот процесс был повторен и усилен во время и после Второй мировой войны.

Мы не хотим сказать, что кем-то когда-либо проводилась целенаправленная политика подавления сопротивления налогоплательщиков путем предоставления выгод бедному большинству. Но факт состоит в том, что все шаги по увеличению государственного бюджета сопровождались растущим неравенством в отношении к разным социальным группам: скидки и льготы предоставлялись только малообеспеченным гражданам. Вряд ли необходимо напоминать, что как бы ни было желательно устранение резкого неравенства доходов, его достижение при помощи законодательства, дискриминирующего определенные группы граждан, оказывает развращающее действие на политическую систему. Даже если такое законодательство приводит к лучшему обществу, средства, основанные на поддержке большинства, которое выигрывает, против меньшинства, которое неохотно подчиняется, наносят ущерб политическому духу общества. Понятие гражданина подразумевает, что он не налагает на своих сограждан обязательств, которых не приемлет сам. О таком законодательстве можно сказать, что оно совершенствует тех, кто от него проигрывает, постольку поскольку они ему помогают и его поддерживают, но оно не может не калечить души тех, кто остается в выигрыше.

Перераспределение присуще централизации?

В нашем исследовании мы постоянно сталкиваемся с централизацией как основным следствием политики перераспределения. Коль скоро государство урезает высокие доходы, оно должно принять на себя принадлежавшие им функции обеспечения сбережений и капиталовложений, а это приводит к централизации капиталовложений. Бывшие обладатели высоких доходов уже не могут финансировать определенные социально значимые виды деятельности, поэтому государство должно взять на себя их субсидирование и контроль. Поскольку личные доходы становятся недостаточными для получения образования и поддержания необходимого уровня жизни тех людей, которые выполняют наиболее сложные и специальные функции, государство должно следить за образованием и содержанием этих людей. Таким образом, следствием перераспределения является расширение роли государства. И наоборот, как мы только что видели, расширение поборов государства делается возможным только в результате мер по перераспределению.

Возникает вопрос, какое из этих двух тесно связанных явлений является доминирующим - перераспределение или централизация. Мы можем спросить себя, не является ли предмет нашего рассмотрения в большей мере политическим, чем социальным явлением.

Это политическое явление состоит в уничтожении класса, обладающего "независимыми средствами" и в сосредоточении средств в руках управленцев. Это приводит к переходу власти от индивидов к чиновникам, которые стремятся создать новый правящий класс взамен разрушаемого. И существует слабая, но вполне ощутимая тенденция появления у этого нового класса иммунитета к некоторым налоговым мерам, направленным против уходящего класса. [Таким освобождением от платежей пользуется международная бюрократия.]

Это приводит наблюдателя к размышлению о том насколько требование равенства направлено против неравенства как такового и таким образом является фундаментальным требованием, и насколько оно направлено против некоторого числа "неравных" и является поэтому бессознательным движением, направленным на смену "элит".

Основной мотив -- зависть?

Разрешите в этой связи сделать два взаимосвязанных замечания. Первое состоит в том, что неравенство доходов господствовало в большинстве самых разных обществ во все времена и, по-видимому, переносилось вполне охотно. Второе -- это то, что среди "неравных" редко был кто-то, кроме правителей, или, говоря более обобщенно, людей, чья личная и общественная жизнь была широко известна.

Первое замечание рассеивает идею о том, что человеческая натура восстает против неравенства в средствах. Напротив, она принимает его настолько естественно, что, по мнению Парето, неравенство во все времена и повсеместно выражалось одной и той же функцией с очень схожими параметрами. И, хотя последнее было опровергнуто, сам факт, что такая идея могла быть приведена таким большим ученым, свидетельствует, по крайней мере, о том, что само наличие неравенства, и очень резко выраженного, является универсальным.

Второе замечание более содержательно. За все время существования коммерческого общества -- с конца средних веков и до наших дней -- роскошь богатого купца вызывала гораздо больше негодования, чем помпезность правителей. Неблагодарная жестокость королей по отношению к финансистам, которые помогали им, всегда вызывала аплодисменты народа. Возможно, это связано с глубоким ощущением того, что человек не должен быть богат сам по себе и для себя. При этом богатство правителей есть что-то вроде самоудовлетворения для народа, который думает о правителе как о "своем" правителе.

В этой связи можно привести такой пример: французские коммунисты устроили складчину, чтобы преподнести на пятидесятилетний юбилей своему лидеру Торе автомобиль стоимостью 4.000 фунтов и весьма внушительное количество подарков. Это было невежественно осмеяно как противоречие коммунистической этике, опасались, что роскошный автомобиль повредит репутации коммуниста. Это не так. Поведение последователей Торе -- это естественное поведение людей по отношению к лидерам, которых они не принимают. Люди в основе своей совсем не такие завистливые, какими и обычно считают, и всегда щедро отдавали часть своих скудных средств тем, кого считали лучшими и своими вождями. Как будто некий смутный инстинкт нашего биологического вида предупреждает нас, что мы должны баловать лучших представителей своей группы, чьи потребности выше, чем у средних членов популяции. Видимо, люди испытывают покровительственную любовь к своим избранным. Они знают, что те одновременно и блестящи и очень ранимы, и людей сердит, когда они чувствуют, что их любимцы не пребывают в наилучших условиях. Такое отношение свойственно людям.

Это наблюдение опрокидывает обычное представление об аристократии как о людях, которые силой добывают себе большую долю земных благ. Настоящие аристократы никогда не пользовались своим аристократическим положением, потому что они сильны, - Дарвиновская концепция здесь не применима. Люди поддерживают настоящих аристократов, так как они чувствуют, что блестящие представители человечества в любой сфере нуждаются в специальных условиях, и они всегда с удовольствием предоставляют им эти условия.

Если богатые классы в наше время не пользуются преимуществами такого отношения, то это потому, что людям наших дней они не кажутся столь замечательными. Доходы кинозвезды или эстрадного певца вызывают меньше зависти и недоброжелательства, чем доходы нефтяного магната, потому что люди ценят достижения в области развлечений, а не в области бизнеса и потому, что личность первого вызывает симпатию, а личность второго -- нет. В их глазах потребление дохода развлекающим их человеком само по себе является развлечением, в то время как потребление капиталиста таковым не является; им кажется, что то, чем обладает артист, было ему добровольно отдано ими же самими, тогда как доходы капиталиста каким-то образом украдены у них.

Буржуа присущи два глубоких убеждения, которые ведут к его гибели. Ему кажется, что своим доходом он не обязан никому и ничему, кроме своих усилий или усилий своей семьи, и он считает, что может наслаждаться этим доходом так, как ему хочется, вдали от посторонних глаз. Такая установка является полной противоположностью той, которая оправдывает исключительные доходы в глазах людей. Они хотят сознавать, что эти исключительные доходы являются их дарами, и они требуют, чтобы те, кого они облагодетельствовали, обеспечивали бы им яркое зрелище. [Еще один момент заслуживает короткого упоминания. Может вызвать удивление тот факт, что различие в благосостоянии вызывает особо острое негодование в рыночном обществе, где фортуна благоволит тому, кто лучше всего почувствовал и наиболее правильно обслужил желания публики. Представители "новых богачей" должны бы были вызывать особое расположение, так как занимаемое ими положение было достигнуто благодаря той оценке ценностей, которую продемонстрировали потребители. Но та иерархия, которая складывается в результате принятия людьми решений в качестве покупателей, кажется им, с точки зрения граждан, совершенно неприемлемой, а превосходство, являющееся продуктом их ежедневного поведения, оскорбительным. Это дает пищу для размышлений, далеко выходящих за рамки нашего рассмотрения.]

Мне не хотелось бы подводить итог тому, что было скорее вращением вокруг концепции перераспределения, чем научной дискуссией. Разрешите только подчеркнуть, что как бы мы ни стремились поднять наименее обеспеченные слои общества, логически это никак не связано с требованием выравнивания доходов. Мы видели, что концепция уравнивания доходов лишена какого бы то ни было надежного основания: она неясна по сути, а в своей деструктивной части является скорее преходящим, чем фундаментальным чувством. Метод так называемого перераспределения с помощью перераспределяющего государства, создающий преимущества корпоративным организациям перед индивидами, по нашему мнению, является частью большого эволюционного процесса, который не приведет к равенству и в котором идеал эгалитаризма пущен в ход с самыми честными намерениями, но для целей, отличающихся от первоначальной идеи справедливого распределения.

Приложение

Возможности чистого перераспределения

Цель этого приложения -- рассмотреть возможности чистого перераспределения доходов. Можно определить чистое перераспределение следующим образом: если при максимальном доходе h существует определенное количество доходов H , превышающих максимум, общая сумма этих доходов равна $Hh + S$. S -- это излишек доходов, сумма, которую можно изъять из доходов этого класса, понизив доход каждого до максимального уровня h . Пусть при минимальном доходе a существует определенное количество доходов A , не достигающих минимума. Общая сумма этих доходов равна Aa -- L , где L -- дефицит, сумма, необходимая для того, чтобы поднять эти доходы до минимального уровня. Перераспределение является чистым, если дефицит L покрывается излишком S . Мы рассмотрим возможности уравнивания L и S .

С точки зрения сторонника перераспределения, выступающего против существования как очень низких, так и очень высоких доходов, чистое перераспределение является наилучшим решением этой социальной проблемы. В то время, когда я читал эти лекции, мне казалось уместным выяснить, можно ли компенсировать очень низкие доходы за счет очень высоких при сложившихся экономических условиях.

Результаты этих приблизительных расчетов упоминались в лекциях -- в дальнейшем мы обоснуем их более подробно. Но считаю своим долгом сказать, что, неоднократно возвращаясь мысленно к этим расчетам, я все больше осознавал сложности, которые сопутствуют всякой попытке изучения реального распределения доходов. Вряд ли мы можем претендовать на то, что знаем, каково фактическое распределение доходов (а источники этой информации предупреждают, что их сведения могут оказаться неполными), и, кроме того, у нас нет четкого представления о том, что такое "личный доход". Эти сложности проявятся в процессе наших рассуждений. И, может быть, именно постепенная фиксация этих сложностей и оправдывает предпринятое исследование.

Наше исследование имеет одновременно и конкретный, и абстрактный характер. Конкретный -- потому, что оно основано на конкретных данных -- сведениях о размерах доходов в Великобритании в период 1947--1948 гг., приведенных в 91-ом выпуске Отчета Налоговой Службы Великобритании. Мы чрезвычайно признательны директору отделения статистики и информации Налоговой Службы за предоставленные данные и за помощь в их интерпретации. М-р Ф. А. Кокфилд, однако, ни в коей мере не несет ответственности за наши возможные ошибки в рассуждениях или выводах. [Впоследствии были использованы данные и из 92-го выпуска Отчета. Мы отдали предпочтение этим "голубым книгам" -- как будем их в дальнейшем называть, -- так как по сравнению с "белыми книгами", где приводится статистика доходов и расходов, первые дают более подробные данные.]

С другой стороны, эти расчеты имеют абстрактный характер, так как независимо от масштабов перераспределения мы не принимаем во внимание ни возникающие практические трудности, ни его влияние на уровень экономической активности. [Здесь мы даже не учитываем влияние на объем инвестиций.]

В результате, наша задача представляется совсем несложной. Определяем минимум, или нижний уровень, дохода -- таким образом, значение a нам дано. Нам известно количество доходов, не достигающих этого уровня, равное A . Нам известна общая сумма этих доходов и насколько она меньше значения Aa . То есть мы знаем величину дефицита L . Следовательно, нам известна и желаемая величина излишка S , так как он должен быть

равен дефициту L . Теперь нам остается выяснить, при каком значении потолка доходов h мы сможем получить необходимый излишек S .

Перераспределение доходов: до или после удержания налогов?

Мы можем достичь своей цели двумя разными путями. Часто представляется, что процесс перераспределения вступает в силу до вычета налогов, как бы в виде специального налога, уравнивающего все существующие доходы, которые затем подвергаются обычному налогообложению. Но в этом случае госбюджет понесет огромные убытки. Рассмотрим это подробнее: из N доходов, превышающих потолок, в бюджет удерживается с помощью специального налога на высокие доходы и обычного налогообложения общая сумма, равная T . Если высокие доходы снизить до уровня h , казна получит только то, что дает налогообложение максимальных доходов h . Она практически ничего не получит из того излишка высоких доходов, который будет перераспределен в пользу доходов ниже минимального уровня. Это -- существенные потери для бюджета. Приблизительные подсчеты показывают, что, если потолок доходов равен 2 тыс. фунтов, государство теряет на перераспределении излишка третью часть своих нынешних поступлений от налогообложения доходов. Если мы не хотим ограничивать функции государства, мы должны компенсировать эту потерю бюджету.

Существует точка зрения, что при новом распределении доходов сократятся расходы государства на менее обеспеченных членов общества. Но в таком случае нельзя считать чистым доходом те суммы, которые были добавлены к прежним низким доходам в результате перераспределения, и надо посмотреть, как соотносятся сокращение государственной помощи и повышение дохода. Действительно, если под предлогом потерь от прямого налогообложения государство отказывается от ряда услуг, которые оно раньше предоставляло тем, кому сегодня направляются перераспределяемые суммы, то можно сказать, что адресаты перераспределения фактически ничего не выигрывают.

Следовательно, при перераспределении излишка доходов до налогообложения в целях компенсации потерь бюджета мы будем вынуждены ввести новые налоги на доходы не ниже максимального уровня h . Если мы хотим избежать этого, то существует другой путь -- логически рассматривать перераспределение доходов после вычета налогов (хотя хронлогически это может происходить и одновременно). Таким образом, потолок доходов становится потолком чистых доходов, а нижний уровень доходов -- нижним уровнем чистых доходов.

Примерные расчеты

Попробуем произвести некоторые расчеты. Определим нижний уровень чистого дохода в размере 250 фунтов -- нам это удобно потому, что в большинстве доступных статистических источников это число отделяет одну группу доходов от другой. Для того чтобы выяснить размер дефицита, нам необходимо знать следующее: каково количество чистых доходов, не достигающих минимального уровня, какова общая сумма этих доходов и, соответственно, насколько она меньше общей суммы минимальных доходов. Наша первая сложность состоит в том, что единственным источником информации о количестве таких доходов является "голубая книга", где, однако, учитываются только облагаемые налогом величины доходов. Так, по данным за период 1947--1948 гг., общее число доходов ниже 250 фунтов, но выше 120 фунтов равнялось 10,5 млн., а общая сумма этих доходов составила 1 млрд. 995 млн. фунтов стерлингов, что образует дефицит в 630 млн.

Расчеты основаны на цифрах этого приложения к табл. 32 в 91-м выпуске Отчета Налоговой Службы.

<i>Размер чистого дохода (фунты стерлингов)</i>	<i>Количество получателей дохода</i>	<i>Чистый доход (млн. Фунтов ст.)</i>
120--150	2.030.000	275
150--250	8.470.000	1.720
250--500	8.740.000	2.950
500--1.000	1.387.000	896
1.000--2.000	320.000	427
2.000--4.000	58.500	156
4.000--6.000	3.430	14,6
свыше 6.000	70	0,4
	21.000.000	6.439
		Личный налог 1.086 Доход до вычета налогов 7.525

Мы получили вполне определенный размер дефицита, но считать его точным мы не можем, так как не учитывались доходы ниже уровня, с которого начинается налогообложение, хотя эти доходы, по всей видимости, нуждаются в повышении в наибольшей мере (к этому вопросу мы еще вернемся). Мы не знаем ни количества таких доходов, ни их общей суммы. Соответственно, мы не знаем, на сколько необходимо увеличить наш дефицит в 630 млн. Ясно только то, что это значение дефицита является минимальным и что оно дает нам минимальное значение излишка, который надо получить при налогообложении высоких доходов.

Получим ли мы излишек в 630 млн., если потолок доходов будет равен 2 тыс. фунтов? Увы, нет. Общая сумма чистых доходов, превышающих 2 тыс. фунтов, составила в том году только 171 млн. При сокращении этих доходов до 2 тыс. фунтов удалось бы получить не более 47 млн. фунтов стерлингов. Если потолком доходов считать 1 тыс. фунтов, то общая сумма доходов, превышающих этот потолок, будет равна 598 млн. При сокращении этих доходов до уровня в 1 тыс. фунтов удалось бы получить 216 млн. фунтов стерлингов.

Нам придется снизить потолок доходов до 500 фунтов, чтобы получить излишек в 614 млн., что почти эквивалентно установленному нами дефициту. Совокупный чистый доход налогоплательщиков с доходами, превышающими 500 фунтов, составляет 1 млрд. 494 млн. Число получателей таких доходов равняется 1 млн. 760 тыс. чел. При потолке доходов в 500 фунтов их совокупный чистый доход составит 880 млн., что и позволит получить излишек в 614 млн. фунтов стерлингов.

Таким образом, мы видим, что даже при явно заниженном значении дефицита мы не можем получить необходимую для его ликвидации сумму только за счет сокращения "колоссальных" доходов, -- мы вынуждены опустить потолок доходов намного ниже, чем

это представляется разумным. [Учитывают или нет приведенные цифры доходов преимущества наличия собственности или права владения на определенный срок имуществом (государственным или частным) -- это уже другой вопрос. Очевидно, что по мере ужесточения налогообложения все имущество, которое не попадает под определение дохода, становится все более ценным. В случае перераспределения собственности (что не является предметом нашего рассмотрения) совершенно очевидным становится преимущество законодательно земельного права на собственность на определенный срок.]

Важность определения личного дохода

Полученные нами результаты очень приблизительны и только усиливают потребность в дополнительных данных. Во-первых, хотелось бы иметь более точные сведения о фактическом распределении доходов. [В Великобритании сбор и обработка статистических данных находятся на самом высоком уровне. Несмотря на это, журнал "Национальные доходы и расходы" признает, что около 13% всех личных доходов трудно отнести в какой-либо конкретной группе доходов. М. Дадли Сиерс недавно предпринял попытку сделать это. Полученные им результаты показывают, что отнесение этих доходов к разным группам существенно не изменит картину распределения доходов.] Во-вторых, нельзя смириться с тем, что нам не ясна картина доходов ниже облагаемого налогом уровня. Каким может быть количество таких доходов, которые непременно надо будет увеличивать? Этот вопрос заставляет нас внимательнее посмотреть на природу этих низких доходов.

Среди них -- доходы как одиноких, так и семейных людей, получающих государственную пенсию, доходы старых дев, живущих на проценты с небольшого капитала. Подчас на такой доход живет не только его получатель, а два или более человек. Но к этой же категории относятся также доходы несовершеннолетних, проживающих со своими родителями, и доходы военнослужащих, находящихся на полном обеспечении организации, к которой они принадлежат.

Очевидно, что нам не придется в голову поднимать доходы несовершеннолетнего до минимального уровня 250 фунтов, но мы будем удовлетворены, подняв доходы его родителей --, может быть, имеющих и других детей даже меньшего возраста -- до того же уровня в 250 фунтов стерлингов. Этот простой пример показывает, что на самом-то деле нам важно знать не количество доходов ниже облагаемого налогом уровня, а число людей, живущих на эти доходы. Нам необходимо смотреть на ситуацию с точки зрения социальных групп. Точно так же нам потребуется знать общее количество людей, живущих на доход ниже 250 фунтов стерлингов.

Когда я выступал со своими лекциями, мне казалось, что ответы на эти вопросы можно получить с помощью остаточного метода. По скидкам и вычетам из декларируемых доходов можно сделать вывод о количестве людей, фактически живущих на эти доходы. В то время у меня не было таких данных в удобной форме, но они появились теперь благодаря любезности директора отделения статистики и информации Налоговой Службы . Их можно найти в 92-м выпуске Отчета, табл. 87.

Из этой таблицы, на мой взгляд, следует, что на 20.750.000 доходов выше уровня, с которого начинается налогообложение, живет не менее 46 млн. человек. [Это относится к периоду 1948--49 гг., когда уровень дохода, с которого начиналось налогообложение, составлял 135 фунтов стерлингов. Более подробно: 10 млн. 381 тыс. одиноких людей и 20 млн. 738 тыс. семейных содержали 3 млн. 480 тыс. иждивенцев и 11 млн. 575 тыс. детей.]

Количество иждивенцев в этих данных может быть заниженным в силу того, что люди, чьи доходы не облагаются налогами, не всегда обращаются за полагающимися им пособиями и льготами. Тем не менее, нам кажется, что только небольшая часть населения (особенно, если исключить из этого числа военнослужащих) не входит в число людей, пользующихся этими доходами. Поэтому представляется возможным объединить эту неучтенную группу с получателями доходов в размере от 135 до 250 фунтов и в дальнейшем учитывать их в этой группе населения.

Таким образом, получается, что мы допустили гораздо меньшую ошибку, чем, казалось, тогда, когда мы пренебрегли этой группой в своих расчетах. С учетом этого произведем новые вычисления. Теперь, когда мы знаем количество людей, живущих на доходы в размере от 135 до 250 фунтов стерлингов, мы можем узнать, на сколько должен быть поднят совокупный доход этой группы, чтобы доход на душу населения равнялся доходу на душу населения в группе с доходом от 250 до 500 фунтов стерлингов.

Из этой же таблицы мы выясняем, что на доходы в 250--500 фунтов живут 22,8 млн. человек и их средний доход на душу населения составляет 136,9 фунтов до уплаты налогов и 130 фунтов после уплаты налогов. Группа людей, живущих на доходы от 135 до 250 фунтов, составляет 16,2 млн. человек, и их доход на душу населения равняется 104, 3 фунта до уплаты налогов и 102, 5 после. Для выравнивания доходов до уплаты налогов потребуется 528 млн. [при определении группы получателей доходов мы исходим из доходов до вычета налогов; в случае объединения доходных групп выравнивание доходов после удержания налогов представляется невозможным], к которым надо будет еще добавить некоторую сумму для увеличения доходов людей, не учтенных статистикой. [Автор просит снисходительно отнестись к его дилетантскому вторжению в область, законно принадлежащую специалистам.]

Фактическая направленность перераспределения

Самым удивительным результатом этих довольно беспомощных расчетов для меня явилось то, что доступные для перераспределения суммы оказались настолько незначительными по сравнению со средствами, проходящими через руки государства. Можно усомниться в том, что огромные финансовые поступления в государственную казну действительно направляются на повышение низких доходов, и задуматься -- может, перераспределение было бы более эффективным, если бы оно не сопровождалось усилением роли государства.

С другой стороны, было совершенно неожиданным, что даже такие относительно небольшие суммы, которые мы назвали, невозможно получить путем сокращения высоких доходов. Оказывается, доходы "богатых" вовсе не могут быть источником необходимых сумм, и уж действительно не из этих доходов черпаются средства для огромных государственных расходов.

Достаточно сказать, что общие поступления от прямого налогообложения доходов свыше 2 тыс. фунтов составляют 419 млн., что меньше даже затрат на дотирование продуктов питания и намного меньше государственных расходов на социальные нужды, даже если понимать эти расходы в самом узком смысле.

Следовательно, процесс перераспределения не является "вертикальным", у него нет четко выраженной направленности "сверху вниз", "от богатых к бедным". Это, скорее, -- горизонтальное перераспределение доходов, а элемент его вертикальной направленности играет в большей степени психологическую, нежели финансовую роль. Представление о

том, что государство распределяет деньги богатых, оправдано в очень незначительной мере, но оно поддерживается, чтобы скрыть действительное положение дел: перераспределяемая покупательная способность в подавляющем большинстве случаев черпается из тех же социальных слоев, куда и направляется.

Бертран де Жувенель

Бертран Де Жувенель (1903--1987), французский экономист, социолог и футуролог, был президентом французского футурологического общества (1967--1974) и автором концепции будущего, согласно которой будущее не является заложником ни научно-технического прогресса, ни так называемых законов общественного развития, а создается, или, по его выражению, "изобретается", людьми в ходе принятия и реализации ими личных целей и обязательств.

Начав как журналист, Бертран Де Жувенель публиковал статьи по экономическим вопросам, много путешествовал, побывал в США, Англии и других странах Европы. До войны опубликовал ряд книг, среди которых "Власть: управляемая экономика" (1928) и "Кризис американского капитализма" (1933). В 30-е годы де Жувенель осудил политику умиротворения Гитлера, был последователен в отстаивании своих взглядов не только как публицист, но и как гражданин (войну отслужил в пехоте до последних дней III Республики). После капитуляции Франции в июне 1940 года и до 1943 года, когда он перешел швейцарскую границу, продолжал заниматься исследованиями в области этики и социологии на историческом материале, закончив две книги, в частности, "Наполеон и управляемая экономика".

В Швейцарии Бертран де Жувенель закончил книгу "Власть" и получил известность после публикации ее положений в литературном приложении к "Тайме" в 1946 году. Получив приглашение в Кембридж (США), он опубликовал в 1951 году "Этику перераспределения".

Наряду с Фридрихом фон Хайеком, Милтоном Фридманом и Джеймсом Бьюкененом, Бертран де Жувенель принадлежит к "упрямому меньшинству" ученых, последовательно отстаивавших непопулярную в XX веке идею свободы и ответственности человека.